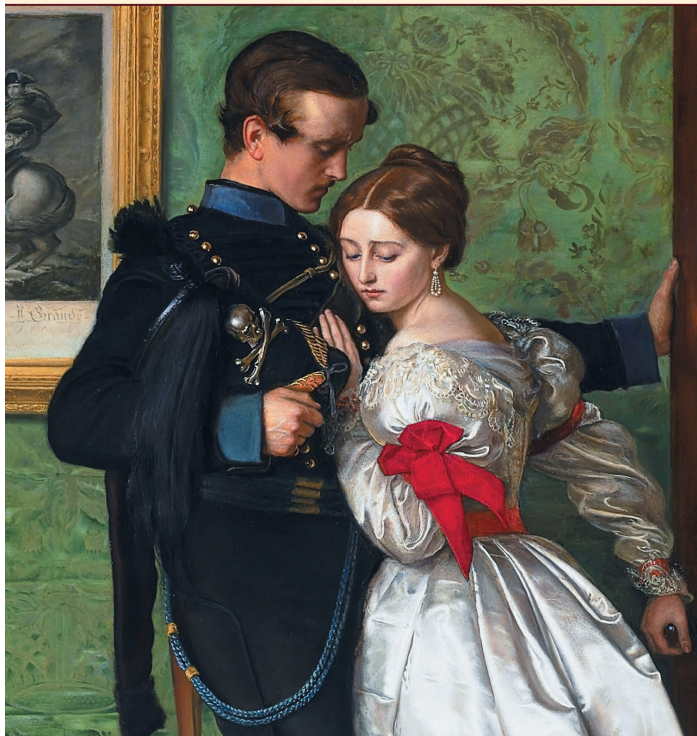

МИХАИЛ ЛЕРМОНТОВ

Герой нашего времени. Поэмы. Стихотворения

Михаил Юрьевич Лермонтов

Герой нашего времени.

Поэмы. Стихотворения

Серия «Библиотека
Всемирной Литературы»

indd предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55845417

Михаил Лермонтов Герой нашего времени. Поэмы. Стихотворения:

ISBN 978-5-04-004269-2, 978-5-04-004270-8, 978-5-04-004271-5

Аннотация

Михаил Юрьевич Лермонтов (1814–1841) – один из самых почитаемых и любимых русских поэтов и писателей. При жизни Лермонтов печатался очень мало: он отличался крайней взыскательностью и строгостью к своему творчеству. 10 лет писал стихи, поэмы, драмы, прозу, прежде чем решиться составить небольшой сборник. Все его произведения отличает сочетание простоты и возвышенности, естественности и оригинальности, его умение объективно показывать характеры героев, раскрывая одного персонажа через восприятие другим, и по сей день восхищает и читателей, и критиков. В эту книгу вошли роман «Герой нашего времени», избранные поэмы и стихотворения, а также новые современные комментарии к роману.

Содержание

Татьяна Скрябина	13
Стихотворения	31
1829	31
Посвящение N.N	31
Пир	32
К друзьям	32
К гению	33
Русская мелодия	35
Песня	36
К.....	37
Романс	37
К Нине	38
К N. N	39
Наполеон	40
Пан	43
Жалобы турка	43
К N. N.***	44
Черкешенка	45
Ответ	46
Два сокола	47
Грузинская песня	48
Мой демон	49
Жена Севера	50

К другу	51
Элегия	52
К***	53
К***	53
Монолог	54
Встреча	55
Баллада	56
Перчатка	58
Дитя в люльке	60
К*	61
Молитва	61
1830	63
Звезда	63
Раскаянье	64
Венеция	66
«Я видел раз ее в веселом вихре бала...»	68
Подражание Байрону	69
К Дурнову	70
Арфа	70
Кавказ	71
К***	72
Опасение	73
Стансы	74
Н.Ф. И.....вой	74
Весна	76
Ночь. I	77

Разлука	80
Ночь. II	81
Незабудка	84
Совет	87
Одиночество	88
В альбом	89
Гроза	90
«Гроза шумит в морях с конца в конец...»	91
Звезда	91
Еврейская мелодия	92
Вечер после дождя	93
Наполеон	93
Эпитафия Наполеона	96
К глупой красавице	96
Очи N.N	97
Кавказу	97
Утро на Кавказе	98
«Прости, мой друг!.. как призрак я лечу...»	98
Челнок	99
Отрывок	100
«Оставленная пустынь предо мной...»	104
К. ...	106
Ночь. III	107
Farewell[1]	108
Элегия	109
Эпитафия	111

Sentenz[2]	111
Гроб Оссиана	112
Посвящение	112
К Су<шковой>	113
1830. Майя. 16 числа	114
Гость	115
К***	117
Дереву	117
Предсказание	119
«Все тихо – полная луна...»	119
«Никто, никто, никто не усладил...»	120
11 июля	120
1830 год. Июля 15-го	121
Булевар	123
Песнь барда	127
10 июля (1830)	129
Благодарю!	130
Нищий	131
К...	131
«Плачь! плачь! Израиля народ...»	132
30 июля. – (Париж) 1830 года	132
Чума в Саратове	134
Стансы	135
Чума	136
Романс	140
Отрывок	140

Баллада	141
Ночь	142
К***	144
«Передо мной лежит листок...»	144
«Свершилось! Полно ожидать...»	145
«Итак, прощай! Впервые этот звук...»	145
Черны очи	146
К***	146
Новгород	147
Глупой красавице	148
Могила бойца	149
Смерть	151
Русская песня	152
«На темной скале над шумящим Днепром...»	153
Песня	154
Пир Асмодея	155
Сон	158
На картину Рембрандта	160
К***	161
Прощанье	162
К приятелю	163
Смерть	164
Волны и люди	165
Звуки	165
Первая любовь	166

Поле Бородина	167
Мой дом	170
Смерть	171
Романс	176
1831	178
1831-го января	178
«Послушай! вспомни обо мне...»	179
Стансы	179
Солнце осени	180
Поток	181
К***	182
Ночь	183
К себе	184
«Душа моя должна прожить в земной неволе...»	185
Песня	186
«Пускай поэта обвиняет...»	187
Слава	187
Вечер	189
«Унылый колокола звон...»	189
«Хоть давно изменила мне...»	191
Звуки и взор	192
Земля и небо	192
К***	193
Из Андрея Шенье	194
К***	195

Сосед	196
Стансы	197
Мой демон	198
1831-го июня 11 дня	200
Романс к И...	216
Завещание	217
«Сижу я в комнате старинной...»	218
К***	219
Желание	220
К деве небесной	221
Св. Елена	222
К другу В.Ш	223
«Блистая, пробегают облака...»	224
Атаман	226
Исповедь	229
Надежда	230
Видение	231
«Мой сон переменился невзначай...»	234
Чаша жизни	235
К Л. —	236
К Н. И.....	237
Воля	239
Сентября 28	240
«Зови надежду сновиденьем...»	242
«Прекрасны вы, поля земли родной...»	242
«Метель шумит, и снег валит...»	243

Песня	244
Небо и звезды	244
Счастливым миг	245
«Когда б в покорности незнания...»	247
К кн. Л. Г-ой	248
«Кто видел Кремль в час утра золотой...»	249
«Я видел тень блаженства; но вполне...»	249
К***	251
К***	252
«Кто в утро зимнее, когда валит пушистый снег...»	252
Ангел	253
Стансы к Д***	254
«Ужасная судьба отца и сына...»	257
«Пусть я кого-нибудь люблю...»	259
К другу	259
«Пора уснуть последним сном...»	260
Из Паткуля	260
«Я не для ангелов и рая...»	261
Портрет	261
«Настанет день – и миром осужденный...»	262
К Д	264
Песня	265
К Нэере	265
Отрывок	266
Баллада	268

Силуэт	270
«Как дух отчаянья и зла...»	270
«Я не люблю тебя; страстей...»	271
Стансы	271
1832	273
«Люблю я цепи синих гор...»	273
Солнце	274
«Я счастлив! – тайный яд течет в моей...»	275
Прощанье	275
Конец ознакомительного фрагмента.	277

Михаил Лермонтов

Герой нашего времени

Поэмы. Стихотворения

Серия «Библиотека всемирной литературы»

Оформление Н. Ярусовой

В оформлении суперобложки использованы фрагменты работ художников Джона Эверетта Миллеса, Ивана Шишкина и Петра Заболотского

Серия «100 главных книг»

Оформление Н. Ярусовой

Серия «Шедевры мировой классики»

Оформление А. Саукова

В оформлении обложки использована репродукция портрета М. Ю. Лермонтова (1837) художника П. Е. Заболотского (1803–1866)

© Скрыбина Т. Л., статьи, комментарии, 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Татьяна Скрябина

Михаил Лермонтов: «Я здесь был рожден, но с нездешней душой»

Все трагично в судьбе Лермонтова. Ранняя смерть матери и разлука с отцом. Ссылка на Кавказ, который называли в народе погибельным, и опала со стороны властей. Личная неприязнь императора. Стычки с «золотой молодежью», дуэль и ранняя, в 26 лет, смерть. Бездна наказанности его убийцы Мартынова. Большая слава, до которой не дожил. И даже даты жизни и смерти – 1814–1841, – содержащие в себе роковое для русской истории сочетание 14–41. Поэт Велимир Хлебников видел в этом совпадении особый знак: две мировые войны через сто лет – возмездие России за убийство гения, не успевшего выполнить свое предназначение.

Нет пророка в своем отечестве, но не всякий пророк побиваем камнями. Лермонтову досталась не только мучительная судьба гонимого поэта, но и горькая участь «козла отпущения всей русской литературы», как определит эту трагическую особенность лермонтовской биографии русский религиозный философ Дмитрий Мережковский. Несть числа мифам, поддерживающим представление о Лермонтове как о неуживчивом, уродливом, изводившем людей насмешками и эпиграммами человеке. «Вся его фигура, приземистая,

кривоногая, с большой головой на сутулых плечах, возбуждала ощущение неприятное», – вспоминал Лермонтова один из его современников. «У него не было ни малейшего добродушия, и ему непременно нужна была жертва, без этого он не мог быть покоен», – вторил ему другой. А вот еще одно воспоминание: «Лермонтов был чрезвычайно талантлив, но со всем тем был дурной человек: никогда ни про кого не отзовется хорошо, очернить имя какой-нибудь светской женщины, рассказать про нее небывалую историю, наговорить дерзостей ему ничего не стоило. Всегда смеялся над убеждениями, презирал тех, кто верит и способен иметь чувство... Да вообще это был «приятный» человек!» Втиснуть четвертое измерение в третье, доказать себе, что гений – такой же «обыкновенный», как и мы все, только еще хуже – распространное обывательское удовольствие. Но ведь и люди духовные пытались приписать Лермонтову демонизм, антипатриотизм, презрение ко всему человеческому, богоборчество. «Лягушкой, прочно засевшей в тине», – назвал его музу философ Владимир Соловьев. Общим местом стало побивание Лермонтова Пушкиным: одному – все прощается, другому – все вменяется в вину.

Нетрудно догадаться, что так раздражало современников в гениальном поэте: как и его герой Печорин, Лермонтов жил с ощущением избранничества, соотносил себя не с земным, человеческим и конечным, а с огромным, необозримым и космическим. «Какой великий и могучий дух!» – вос-

кликнет после беседы с ним критик Виссарион Белинский.

«Я здесь был рожден, но с нездешней душой», – скажет Лермонтов о своей духовной и поэтической родословной. Его род ведет начало от шотландского барда Томаса Лермонта, Стихотворца из Эрсилдауна, жившего в XIII веке и прославившегося не только как поэт, но и как провидец. По преданию, он был унесен эльфами в волшебную страну фей, откуда вернулся с даром слагать неземные песни и предвидеть будущее. Один из потомков Томаса Стихотворца Джордж Лермонт нанялся в иноземные войска, оказался с польской армией на территории России, где был захвачен в плен, а впоследствии поступил на службу и получил земли в Костромской губернии. От него, в крещении Георгия, и пошла русская ветвь рода Лермонтовых. Поиск романтической отчизны, далекой, утраченной земли предков, где среди цветущих полей висит в родовом замке щит с фамильным девизом «Пока дышу – надеюсь», стремление прорваться за предметную данность мира – мотивы, с которыми сопряжена вся лирика Лермонтова, от юношеского стихотворения «Желание» до последних шедевров поэта.

По материнской линии Лермонтов принадлежал к роду Столыпиных, министр внутренних дел Петр Столыпин, вошедший в историю России как бесстрашный реформатор, – его дальний родственник. Нешуточные страсти сотрясали эту семью задолго до рождения поэта. В усадьбе Тарханы Пензенской губернии, где рос маленький Лермонтов, покон-

чил с собой его дед, Михаил Васильевич, в честь которого назвали поэта: в новогоднюю ночь 1810 года он принял яд после домашнего спектакля, в котором играл роль могильщика в «Гамлете» Шекспира. Когда Лермонтову было три года, умерла от чахотки его мать, и бабушка Елизавета Алексеевна Арсеньева, урожденная Столыпина, выкупила у отца поэта Юрия Петровича право воспитывать внука за 25 тысяч рублей. Ее можно понять: Елизавета Алексеевна потеряла сначала мужа, затем единственную дочь, и трехгодовалый Миша оставался последним кровно близким ей человеком – как она писала в письмах, «светом очей моих, моим блаженством». Право воспитывать внука она закрепила в завещании: если Юрий Петрович забирает сына себе, то маленький Мишель лишается всех прав на ее наследство. Арсеньева не жалела средств на воспитание и образование внука и, чтобы он не чувствовал себя одиноким, взяла в дом еще 10 мальчиков – дальних родственников и детей соседних помещиков. Но воспитавшей его бабушке у Лермонтова не посвящено ни строчки, зато отцу, разлуку с которым он болезненно переживал, написаны «Ужасная судьба отца и сына \ Жить розно и в разлуке умереть», «Прости, увидимся ли снова» и др. *Menschan und Leidenschaften* («Люди и страсти») – так называлась ранняя пьеса Лермонтова, и кто кем управляет, еще большой вопрос.

С детства Лермонтова привлекали личности героического и романтического склада, люди чести с мятежным харак-

тером, но он оказался младше всех, кому хотел подражать, на кого равнялся. Кумиры его юности – Наполеон, Байрон, Пушкин, генералы 1812 года. Он родился уже после Отечественной войны 1812 года, был ребенком во время восстания декабристов и считал свое поколение слабосильным и обреченным на бездействие. Люди 1830-х годов в его изображении «перед опасностью позорно-малодушны, \ и перед властью – презренные рабы». В Московском университете, где Лермонтов учился сначала на политическом, затем на словесном отделении, он постоянно пикировался с профессорами и студентами. А ведь в одно время с ним университет посещали Белинский, Гончаров, Огарев, Станкевич, Герцен – весь цвет московской интеллигенции. В этом кругу московских интеллектуалов, увлеченных немецкой философией и утопическими идеями, Лермонтов чувствовал себя белой вороной. «Все от него отшатнулись, – вспоминает его университетский товарищ, – а между тем что-то непонятное и таинственное влекло к нему». Это ощущение «непонятного и таинственного» было, конечно же, сопряжено с поэтическим даром Лермонтова. С 13 лет Лермонтов писал стихи и поэмы, главными темами которых стали гордое одиночество мятежной души, спор с судьбой, свобода и покой, предсказание ранней кончины. В 15 лет он уже сочинял поэму «Демон», где одиночество Демона противопоставлено одиночеству самого Бога. Его поэтическая мысль свободно перемещалась во времени и пространстве, от земли к небу, от еги-

петских пирамид к снежным вершинам гор, от кремнистого пути посреди вселенной к монастырской келье красавицы Тамары. С первых же своих поэтических опытов Лермонтов обладал особой способностью творить слово «из пламя и света», он поэт огня и воздуха, все время упоминающий их атрибуты: бегущую комету, блеск далеких звезд, луч солнца, палящий день, лампаду, эфир, туман, воздушный океан, тучки. Каждая строка Лермонтова буквально пронизана музыкой и напевом, ритмом и вольным дыханием: игравший на трех музыкальных инструментах – флейте, скрипке и фортепьяно, – Лермонтов был одним из самых музыкальных русских поэтов.

Но самые жестокие стычки возникали у Лермонтова не с университетской средой, а с кругом «золотой молодежи» – с детьми дипломатов и придворных, с так называемой «новой аристократией», которой окружил себя Николай I. Эти люди, не имевшие никаких заслуг перед Отечеством, приехавшие в Россию «на ловлю счастья и чинов», получали при Николае титулы, должности и состояния. К этому кругу принадлежал убийца Пушкина Жорж Дантес, которого Лермонтов хотел вызвать на дуэль, и сын французского посла барон Эрнест Барант (поэт дал ему прозвище «салонный Хлестаков»), с которым Лермонтов дрался на шпагах и стрелялся в 1840 году. Свое впечатление от ненавистного ему петербургско-московского света он наиболее ярко передал в драме «Маскарад» и в стихотворении «Как часто, пестрою тол-

пою окружен», написанном после новогоднего бала (предположительно, в московском Дворянском собрании).

Когда после очередного пререкания с университетской администрацией возле фамилии Лермонтова появилась пометка «посоветовано уйти», Лермонтов оставил университет и поступил в петербургскую Школу юнкеров и гвардейских прапорщиков. Приехав в Петербург, на берегу Финского залива, или, как он его называл, Финской лужи, Лермонтов написал стихотворение «Парус» – своего рода объяснение с Варварой Лопухиной, девушкой, к которой он испытывал сильную сердечную привязанность и которую оставил в Москве. Многие биографы Лермонтова считали, что черты Лопухиной Лермонтов зашифровал в образе Веры в «Герое нашего времени»: Вера – Варя, у Вари родинка на щеке, у Веры – под бровью. «Парус» Лермонтов вложил в письмо сестре Вареньки и отправил в Москву, тем самым косвенно признавшись любимой девушке, что «ищет бури», а не тихого семейного счастья:

Увы, он счастья не ищет
И не от счастья бежит.

Но «Парус» не просто объяснение с любимой, это еще и философское стихотворение о свободе и неизбежном одиночестве, о вечном стремлении неведомо куда, о тяге к миру прекрасного, о невозможности достичь желаемого. В этих

строках юный Лермонтов уже выявляется как поэт со всей своей будущей силой, с гениальным умением мгновенно преобразить поразивший его образ силой поэтической фантазии и увести читателя за грань привычной действительности. О ком или о чем это сказано? О паруснике? О человеке? Ситуация у Лермонтова всегда иносказательна, пейзаж очеловечен, а земная реальность приобщена таинственным пластам бытия. «Парус», «Утес», «Тучки», «Листок» – эти стихотворения проникнуты «верой в сродство всякой земной твари» (И. Роднянская), из них просто невозможно убрать человеческий подтекст: утес у Лермонтова страдает и плачет, как человек, а дубовый листок вымаливает пристанища у безразличной к его страданиям изумрудной чинары.

С 1834 года Лермонтов считает себя военным человеком. Один из самых распространенных мифов о поэте гласит, что он был тщедушен, болезненен, кривоног, но в действительности Лермонтов являлся вовсе не слабосильным меланхоликом, а героем Кавказской войны, приставленным к нескольким воинским наградам за храбрость. В 1837 году он был отправлен в Нижегородский драгунский полк, квартировавшийся на Кавказе, а в 1840 году в Тенгинский пехотный полк, в составе которого участвовал в походах на Большую и Малую Чечню. «Тенгинского полка поручик Лермонтов, – сказано в генеральском донесении на поэта, – во время штурма неприятельских завалов на реке Валерик имел поручение наблюдать за действиями передовой штурмовой ко-

лонны, что было сопряжено с величайшей для него опасностью от неприятеля. Но офицер этот исполнил возложенное на него поручение с отличным мужеством и хладнокровием и с первыми рядами ворвался в неприятельские завалы». За бой при реке Валерик, описанный в одноименном стихотворении как кровавая бойня (вода в реке покраснела от количества пролитой крови), Лермонтов был представлен к ордену Владимира 4-й степени. Его полк действовал на опасных участках, на правом фланге кавказской линии, где русские сражались с легендарным предводителем чеченцев Шамилем. Здесь Лермонтов принял на себя командование сотней конных бойцов, преимущественно казаков, и, по словам его командующего В. Голицына, «был всегда первым на коне и последним на отдыхе». Голицын представил Лермонтова к золотой сабле «За храбрость», но, как и орден Владимира, золотую саблю Лермонтов не получил. Из представления к наградам его вычеркнул Николай I. Спустя четыре года Николай отказал поэту в отставке, а узнав о гибели Лермонтова, якобы сказал: «Собаке собачья смерть». За что же такая ненависть?

В 1837 году Лермонтов, потрясенный дуэлью и гибелью Пушкина, написал стихотворение «Смерть поэта» и буквально проснулся знаменитым. О дотоле неизвестном поэте Лермонтове заговорили в широких кругах петербургского общества. Люди переписывали его стихотворение (в печати «Смерть поэта» появилась только в 1856 году в Лондоне),

передавали из уст в уста, заучивали наизусть, цитировали как гневный обличительный документ. Лермонтов написал первые две части стихотворения 28 января, когда Пушкин был еще жив, а затем, после похорон поэта, с новым накалом страсти и отрицания дописал последние 16 строк – знаменитое «прибавление». Не будучи лично знаком с Пушкиным, не зная обстоятельств его дуэли, Лермонтов с пророческой ясностью воссоздал подробности трагедии, к пониманию которых исследователи-пушкинисты приблизились лишь через несколько десятков лет. Фактически Лермонтов указывал на конкретных виновников гибели Пушкина, хотя и не называл их имен: Дантес, его приемный отец голландский посол в России Геккерн, Идалия Полетика и, конечно же, *тот*, по чьей воле и появилась в России «новая аристократия» – «жадною толпой стоящие у трона Свободы, Гения и Славы палачи», – сам Государь. «Смерть поэта» – пример тому, как гениальные строки могут быть рождены энергией ненависти, жадой мести, это стихотворение-дуэль, стихотворение-поединок. Не останови Лермонтова его друг и родственник Монго Столыпин, Лермонтов стрелялся бы с Дантесом, и тогда, вполне возможно, мы не прочитали бы ни «Героя нашего времени», ни «Выхожу один я на дорогу», ни «Горные вершины». «Смерть поэта» не единственное произведение, внушенное обстоятельствами гибели Пушкина: в 1837 году Лермонтов написал «Песню про купца Калашникова», в которой человек чести Калашников предпочита-

ет смерть семейному позору с попустительства царя.

Общественное мнение разносило: явился новый гений, наследник Пушкина. Николай I узнал о «Смерти поэта» из докладной записки шефа жандармов Бенкердорфа, который был взбешен «бесстыдным вольнодумством, более чем преступным». «Приятные стихи, нечего сказать», – резюмировал Николай и распорядился взять Лермонтова под стражу, предварительно удостоверившись, «не помешан ли этот господин». На гауптвахте за несколько дней Лермонтов сочинил «Узника», «Молитву», «Когда волнуется желтеющая нива...». Николай распорядился не давать ему чернил и бумаги, и Лермонтов записывал «Когда волнуется...» вином на обертке из-под хлеба и курицы. Поистине не за письменном столом, не в уютной кабинетной тиши создавались шедевры русской поэзии!

Благодаря стараниям бабушки приговор Лермонтову был сравнительно мягок: его отправили на Кавказ, но не в действующую армию, а в Нижегородский драгунский полк, никак не связанный с боевыми действиями. За первой ссылкой последует вторая, уже суровая, сопряженная с непосредственным участием в Кавказской войне: после дуэли с Барантом Лермонтов получит назначение в чеченский отряд, на передовую линию. Но ни первая, ни вторая ссылка, ни тягостное для него положение гвардейского офицера не сделают Лермонтова сговорчивей. Уезжая на Кавказ, он сочинит знаменитые строки:

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.

Стихи настолько вызывающе антипатриотичные, что их неоднократно пытались приписать другим авторам. А незадолго до смерти он напишет гениальную «Родину»:

Люблю отчизну я, но странною любовью,
Не победит ее рассудок мой,
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни ветхой старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.

Эти строки были ответом Лермонтова на знаменитую формулу российской государственности «православие, самодержавие, народность», предложенную министром народного просвещения Сергеем Уваровым и активно внедряемую в общественное сознание в николаевскую эпоху. «Слава, купленная кровью» – не что иное, как самодержавие; «полный гордого доверия покой» – православие; а «ветхой старины заветные преданья» – пресловутая народность. В этом стихотворении понятия «родина» и «империя» у Лермонтова окончательно расходятся: он любит Россию, ее неповто-

римый пейзаж с «дымком спаленной жнивы», «дрожащие огни печальных деревень» (строка, которую невозможно не вспомнить, глядя в окно в ночном поезде), но жить в стране «голубых мундиров» Лермонтову отвратительно.

Кавказ, вопреки ожиданиям Николая I, не погубил дарование Лермонтова. За четыре года ссылки, т. е. с момента гибели Пушкина до его собственной смерти, Лермонтов стремительно преодолел ученичество и написал все то, что и сделало его великим: «Героя нашего времени», целую россыпь лирических шедевров, новую редакцию «Демона», «Мцыри». К своим ранним произведениям он относился крайне скептически: при жизни опубликовал всего один томик стихов, из почти тридцати написанных поэм для печати отобрал только три. На Кавказе Лермонтов сделался не только кумиром читающей и музицирующей России (многие его стихи тут же становились романсами), но и полулегендарной фигурой в среде кавказских армейцев. Русские офицеры, воевавшие на Кавказе, знали и любили его провидческое стихотворение «Сон» («В полдневный жар в долине Дагестана...»). Сюжет стихотворения был навеян разговором Лермонтова с Морисом Шульцом, одноглазым и бесстрашным полковником Генштаба. Он рассказал поэту, как, раненный и измученный зноем, пролежал почти сутки в пустынной долине среди гор: «Во время штурма дагестанской крепости Ахульго я получил несколько ран, но не вышел из строя, пока одна пуля не повалила меня. Среди убитых под палящим солн-

цем я пролежал весь день, потом меня подобрали, подлечили. Что я чувствовал? Конечно, беспомощность, но в полубытии мысли мои уносились далеко от поля сражения, к той, ради которой я очутился на Кавказе. Помнит ли она меня, чувствует ли, в каком жалком положении ее жених». История Шульца в переложении Лермонтова трогала и потрясала русских офицеров – ведь с любым из них в Чечне могло случиться то же самое. Как и в других стихотворениях Лермонтова, здесь звучал излюбленный поэтом мотив сна-прозрения, несущего на себе отблеск заветного, сверхценного, высвобождающего сознание из оков привычной реальности. «Когда я сомневаюсь, есть ли что-нибудь, кроме здешней жизни, – писал Дмитрий Мережковский, – мне стоит вспомнить Лермонтова, чтобы убедиться, что есть».

В Петербурге в начале лета 1841 года бабушка Лермонтова Елизавета Алексеевна услышала входивший тогда в моду романс:

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь точилась моя.

Песня прервалась рыданиями Елизаветы Алексеевны, и всем невольно пришло в голову: жив ли Лермонтов? А в конце июля в дом, где исполнялся романс, прибежал слуга Арсеньевой: «Лермонтов убит, бабушка без памяти...»

Какая-то злая ирония есть в том, что Лермонтов, который столько раз мог погибнуть от чеченской пули, был убит на Кавказе *своим*, однокашником по Школе юнкеров и гвардейских прапорщиков Николаем Мартыновым. Легенда гласит, что у Лермонтова была красная шелковая рубашка, в которой он любил ходить в бой. В сражении он часто снимал мундир и был хорошо замечен противнику, горцы знали, что офицер в красной рубашке – «русский гегуако, ашуг» – поэт, и не трогали его: убить поэта у народов Кавказа – страшное преступление, которое влечет за собой проклятье в седьмом колене. В момент дуэли с Мартыновым на Лермонтове тоже была красная рубаха – его оберег, его талисман.

Исследователи до сих пор бьются над объяснением причин этой странной дуэли. Почему Лермонтов, зная самолюбивый характер Мартынова, в точности воссозданный им в образе Грушницкого, задевал его остротами, дразнил «горцем с большим кинжалом»? Зачем после ссоры в доме Верзилиных спросил у него: «Что ж, на дуэль что ли вызовешь меня за это?» И услышал в ответ: «Да!» Сам искал смерти, намеренно играл с огнем? Ведь очевидно, что дальнейшая служба на Кавказе была для него тягостна (в Пятигорск он приехал по пути в дагестанскую крепость Темир-Хан-Шуру, куда ему была выдана подорожная). И чем объяснить поведение Мартынова, с нескольких шагов расстрелявшего поэта, уже поднявшего руку для выстрела в воздух? Ведь все ожидали, что дуэль кончится примирением, шуточной паль-

бой: выстрелят друг в друга черешнями, выпустят пар и поедут ужинать в ресторацию.

В гостиных Пятигорска Лермонтова не любили, раздражала его насмешливость, острый ум, ему не забыли, как после смерти Пушкина он оскорбил высшие круги российской аристократии. Недруги давно подстрекали поручика Лисаневича, над которым Лермонтов подшучивал, вызвать его на дуэль. Но тот в ужасе отвергал самую мысль об этом: рука не поднимется на такого человека! А у Мартынова поднялась. Потом он писал и переписывал свою «Исповедь», в которой изображал Лермонтова эдаким Скотом Чурбановым, способным на всякие низости. Чего он только ему не приписывал: и вскрывал доверенные ему письма, и рисовал непристойные карикатуры, и доводил женщин до истерики своими издевками, не говоря уже о том, что при дамах подвергал сомнению чужую мужественность. «Борьба совести с самолюбием была непродолжительной», – скажет Лермонтов о колебаниях, совершавшихся в душе Грушницкого накануне дуэли с Печориным. Эта фраза точно определяет и поведение Мартынова: как и в Грушницком, в убийце Лермонтова воспаленное самолюбие возобладало над прочими человеческими качествами.

Скорее всего, в Пятигорске разыгралась драма под названием «Одноклассники. Встреча через несколько лет». Лермонтов и Мартынов соперничали еще со школьной скамьи: Мартынов писал стихи, надеялся на быструю военную ка-

рьеру, но в начале 1841 года он вышел в отставку и сосредоточился главным образом на успехах у женщин. Желая произвести на дам впечатление, он носил черкеску и кинжал – глядя на такой костюм отставного военного, в пору было покрутить пальцем у виска. «Он прав! Наш друг Мартыш не Соломон», – написал Лермонтов еще в Школе юнкеров, комментируя умственные способности своего однокашника. Чванство, зависть и тщеславие питали смертельную обиду Мартынова, встреча с Лермонтовым в Пятигорске была ему непереносима: все вокруг только и делали, что говорили о «Герое нашего времени», слава Лермонтова росла с каждым днем, в армейском кругу он был известен как храбрец и герой валерикского сражения, но что самое обидное – красавчик Мартыш явно проигрывал Лермонтову в популярности у женщин.

У подножия горы Машук 15 июля 1841 года Николай Мартынов застрелил Лермонтова. Секунданты не услышали выстрел: грянул гром, началась гроза, несколько часов поэт пролежал на земле под проливным дождем. Этот удар лишний раз подтвердил приближенность Лермонтова к высшим силам, прорвавшаяся в мир божественная воля обрушилась на его убийцу громом и дождем, катастрофическим взрывом сверхъестественного импульса. Военный суд требовал лишить Мартынова чина и состояния, но Николай I распорядился посадить убийцу поэта на три месяца на гауптвахту и предать церковному покаянию. Убийство Лермонтова оста-

лось практически безнаказанным. Через несколько месяцев после похорон из пятигорского некрополя на склоне Машука, с видом на любимые им синие горы Кавказа и двугорбый Эльбрус, бабушка перевезла прах поэта в семейный склеп в Тарханах. Так сбылось еще одно пророчество Лермонтова о двух могилах: одной – кровавой, в горах Кавказа, «без молитв и без креста», другой – среди русских пейзажей «близ тропы глухой, в лесу пустынном средь поляны».

Татьяна Скрыбина

Стихотворения

1829

Посвящение N.N

Вот, друг, плоды моей небрежной музыки!
Оттенок чувств тебе несу я в дар.
Хоть ты презрел священной дружбы узы,
Хоть ты души моей отринул жар...
Я знаю все: ты ветрен, безрассуден,
И ложный друг уж в сеть тебя завлек;
Но вспоминай, что путь ко счастью труден
От той страны, где царствует порок!..
Готов на все для твоего спасенья!
Я так клялся и к гибели летел;
Но ты молчал и, полный подозренья,
Словам моим поверить не хотел...
Но час придет, своим печальным взором
Ты все прочтешь в немой душе моей;
Тогда – беги, не трать пустых речей, —
Ты осужден последним приговором!..

Пир

Приди ко мне, любезный друг,
Под сень черемух и акаций,
Чтоб разделить святой досуг
В объятьях мира, муз и граций.
Не мясо тучного тельца,
Не фрукты Греции счастливой
Увидишь ты; не мед, не пиво
Блеснут в стакане пришлеца;
Но за столом любимца Феба
Пирует дружба и она;
А снедь – кусок прекрасный хлеба
И рюмка красного вина.

К друзьям

Я рожден с душою пылкой,
Я люблю с друзьями быть,
А подчас и за бутылкой
Быстро время проводить.

Я не склонен к славе громкой,
Сердце греет лишь любовь;
Лиры звук дрожащий, звонкой

Мне волнует также кровь.

Но нередко средь веселья
Дух мой страждет и грустит,
В шуме буйного похмелья
Дума на сердце лежит.

К гению

Когда во тьме ночей мой, не смыкаясь, взор
Без цели бродит вкруг, прошедших дней укор
Когда зовет меня невольно к воспоминанью:
Какому тяжкому я предаюсь мечтанью!..
О, сколько вдруг толпой теснится в грудь мою
И теней и любви свидетелей!.. Люблю!
Твержу, забывшись, им. Но, полный весь тоскою,
Неверной девы лик мелькает предо мною...
Так, счастье ведал я, и сладкий миг исчез,
Как гаснет блеск звезды падучей средь небес!
Но я тебя молю, мой неизменный *Гений*:
Дай раз еще любить! дай жаром вдохновений
Согреться миг один, последний, и тогда
Пускай остынет пыл сердечный навсегда.
Но прежде там, где вы, души моей царицы,
Промчится звук моей задумчивой цевницы!
Молю тебя, молю, хранитель мой святой,

Над яблоней мой тирс и с лирой золотой
Повесь и начерти: здесь жили вдохновенья!
Певец знавал любви живые упоенья...
...И я приду сюда и не узнаю вас,
О струны звонкие!.

.....

.....

Но ты забыла, друг! когда порой ночной
Мы на балконе там сидели. Как немой,
Смотрел я на тебя с обычною печалью.
Не помнишь ты тот миг, как я, под длинной шалью
Сокрывши голову, на грудь твою склонял —
И был ответом вздох, твою я руку жал —
И был ответом взгляд и страстный и стыдливый!
И месяц был один свидетель молчаливый
Последних и невинных радостей моих!..
Их пламень на груди моей давно затих!..
Но, милая, зачем, как год прошел разлуки,
Как я почти забыл и радости и муки,
Желаешь ты опять привлечь меня к себе?..
Забудь любовь мою! покорна будь судьбе!
Кляни мой взор, кляни моих восторгов сладость!..
Забудь!.. пускай другой твою украсит младость!..
Ты ж, чистый житель тех неизмеримых стран,
Где стелется эфир, как вечный океан,
И совесть чистая с беспечностью драгою,

Хранители души, останьтесь ввек со мною!
И будет мне луны любезен томный свет,
Как смутный памятник прошедших, милых лет!..

Русская мелодия

1

В уме своем я создал мир иной
И образов иных существованье;
Я цепью их связал между собой,
Я дал им вид, но не дал им названья;
Вдруг зимних бурь раздался грозный вой,
И рушилось неверное созданье!..

2

Так перед праздною толпой
И с балалайкою народной
Сидит в тени певец простой
И бескорыстный и свободный!.

Он громкий звук внезапно раздает,
В честь девы милой сердцу и прекрасной —
И звук внезапно струны оборвет,
И слышится начало песни! — но напрасно! —
Никто конца ее не допоеет!..

Песня

Светлый призрак дней минувших,
Для чего ты
Пробудил страстей уснувших
И заботы?
Ты питаешь сладострастья
Скоротечность!
Но где взять бывшее счастье
И беспечность?..
Где вы, дружески обеты
И отвага?
Поглотились бездной Леты
Эти блага!..
Щеки бледностью, хоть молод,
Уж покрылись;
В сердце ненависть и холод

Водворились!

К.....

Не привлекай меня красой!
Мой дух погас и состарелся.
Ах! много лет как взгляд другой
В уме моем напечатлелся!..
Я для него забыл весь мир,
Для сей минуты незабвенной;
Но я теперь, как нищий, сир,
Брожу один, как отчужденный!
Так путник в темноте ночной,
Когда узрит огонь блудящий,
Бежит за ним... схватил рукой...
И – пропасть под ногой скользящей!..

Романс

Невинный нежною душою,
Не зная в юности страстей прилив,
Ты можешь, друг, сказать, с какой-то
простотою:
Я был счастлив!..

Кто, слишком рано насладившись,

Живет, в душе негодование скрыв,
Тот может, друг, еще сказать, забывшись:
Я был счастлив!..

Но я в сей жизни скоротечной
Так испытал отчаянья порыв,
Что не могу сказать чистосердечно:
Я был счастлив!..

К Нине

(Из Шиллера)

Ах! сокрылась в мрак ненастный
Счастья прошлого мечта!..
По одной звезде прекрасной
Млею, бедный сирота.
Но как блеск звезды моей,
Ложно счастье прежних дней.

.....
Пусть навек с златым мечтаньем,
Пусть тебе глаза закрыть,
Сохраню тебя страданьем:
Ты для сердца будешь жить.
Но, увы! ты любишь свет:

И любви моей как нет!

.....
Может ли любви страданье,
Нина! некогда пройти?
Бури света волнованье
Чувств горячих унести?
Иль умрет небесный жар,
Как земли ничтожный дар?..
.....

К N. N

Ты не хотел! но скоро волю рока
Узнаешь ты и в бездну упадешь;
Проколет грудь раскаяния нож.
Предстану я без горького упрека,
Но ты тогда совсем мой взор поймешь;
Но он тебе, как меч, как яд, опасен;
Захочешь ты проступку вновь помочь;
Нет, поздно, друг, твой будет труд напрасен:
Обратно взор тебя отгонит прочь!..
Я оттолкну униженную руку,
Я вспомню дружбу нашу как во сне;
Никто со мной делить не будет скуку;
Таких друзей не надо больше мне;
Ты хладен был, когда я зрел несчастье

Или удар печальной клеветы;
Но придет час: и будешь в горе ты,
И не пробудится в душе моей участие!..

Наполеон

Где бьет волна о брег высокой,
Где дикий памятник небрежно положен,
В сырой земле и в яме неглубокой —
Там спит герой, друзья! – Наполеон!..
Вещают так и камень одинокой,
И дуб возвышенный, и волн прибрежных стон!..

Но вот полночь свинцовый свой покров
По сводам неба распустила,
И влагу дремлющих валов
С могилой тихою Диана осребрила.
Над ней сюда пришел мечтать
Певец возвышенный, но юный;
Воспоминания стараясь пробуждать,
Он арфу взял, запел, ударил в струны...

«Не ты ли, островок уединенный,
Свидетелем был чистых дней
Героя дивного? Не здесь ли звук мечей
Гремел, носился глас его священный?

Нет! рок хотел отсюда удалить
И честолюбие, и кровь, и гул военный;
А твой удел благословенный:
Принять изгнанника и прах его хранить!

Зачем он так за славою гонялся?
Для чести счастье презирал?
С невинными народами сражался?
И скипетром стальным короны разбивал?
Зачем шутил граждан спокойных кровью,
Презрел и дружбой и любовью
И пред творцом не трепетал?..

Ему, погибельно войною принужденный,
Почти весь свет кричал: ура!
При визге бурного ядра
Уже он был готов – но... воин дерзновенный!..
Творец смешал неколебимый ум,
Ты побежден московскими стенами...
Бежал!.. и скрыл за дальними морями
Следы печальные твоих высоких дум.

.....

Огнем снедаем угрызений,
Ты здесь безвременно погас.
Покоен ты; и в тихий утра час,
Как над тобой порхнет зефир весенний,

Безвестный гость, дубравный соловей,
Порою издает томительные звуки,
В них слышны: слава прежних дней,
И голос нег, и голос муки!..
Когда уже едва свет дневный отражен
Кристальною играющей волною
И гаснет день: усталою стопою
Идет рыбак берегов на тихий склон,
Несведущий, безмолвно попирает,
Таща изорванную сеть,
Ту землю, где твой прах забытый истлевает,
Не перестав простую песню петь.....

.....
Вдруг!.. ветерок... луна за тучи забежала...
Умолк певец. Струится в жилах хлад;
Он тайным ужасом объят...
И струны лопнули... и тень ему предстала:
«Умолкни, о певец! — спеши отсюда прочь, —
С хвалой иль язвою упрека:
Мне все равно; в могиле вечно ночь.
Там нет ни почестей, ни счастья, ни рока!
Пускай историю страстей
И дел моих хранят далекие потомки:
Я презрю песнопенья громки;
Я выше и похвал, и славы, и людей!...»

Пан

(В древнем роде)

Люблю, друзья, когда за речкой гаснет день,
Укрывшись лесов в таинственную сень,
Или под ветвями пустынные рябины,
Смотреть на синие, туманные равнины.
Тогда приходит Пан с толпою пастухов;
И пляшут вокруг меня на бархате лугов.
Но чаще бог овец ко мне в уединенье
Является, ведя святое вдохновенье:
Главу рогатую ласкает легкий хмель,
В одной руке его стакан, в другой свирель!
Он учит петь меня; и я в тиши дубравы
Играю и пою, не зная жажды славы.

Жалобы турка

(Письмо. К другу, иностранцу)

Ты знал ли дикий край, под знойными лучами,
Где рощи и луга поблекшие цветут?

Где хитрость и беспечность злобе дань несут?
Где сердце жителей волнуемо страстями?
И где являются порой
Умы и хладные и твердые, как камень?
Но мощь их давится безвременной тоской,
И рано гаснет в них добра спокойный пламень.
Там рано жизнь тяжка бывает для людей,
Там за утехами несется укоризна,
Там стонет человек от рабства и цепей!..
Друг! этот край... моя отчизна!

P. S.

Ах, если ты меня поймешь,
Прости свободные намеки;
Пусть истину скрывает ложь:
Что ж делать? – Все мы человеки!..

К N. N.***

Не играй моей тоской,
И холодной и немой.
Для меня бывает время:
Как о прошлом вспомню я,
Сердце (бог тому судья)
Жмет неведомое бремя!..

Я хладею и горю,
Сам с собою говорю;
Внемлю смертному напеву;
Я гляжу на бег реки,
На удар моей руки,
На поверженную деву!

Я ищу в ее глазах,
В изменившихся чертах,
Искру муки, угрызенья;
Но напрасно! злобный рок
Начертать сего не мог,
Чтоб мое успокоить мщенье!.

Черкешенка

Я видел вас: холмы и нивы,
Разнообразных гор кусты,
Природы дикой красоты,
Степей глухих народ счастливый
И нравы тихой простоты!

Но там, где Терек протекает,
Черкешенку я увидал, —
Взор девы сердце приковал;

И мысль невольно улетает
Бродить средь милых, дальных скал...

Так дух раскаяния, звуки
Послышав райские, летит
Узреть еще небесный вид:
Так стон любви, страстей и муки
До гроба в памяти звучит.

Ответ

Кто муки знал когда-нибудь
И чьи к любви закрылись вежды,
Того от страха и надежды
Вторично не забьется грудь.
Он любит мрак уединенья.
Он больше незнаком с слезой,
Пред ним исчезли упоенья
Мечты бесплодной и пустой.
Он чувств лишен: так пень лесной,
Постигнут молнией, догорает,
Погас – и скрылся жизни сок,
Он мертвых ветвей не питает, —
На нем печать оставил рок.

Два сокола

Степь, синяя, расстилалась
Близ Азовских берегов;
Запад гас, и ночь спускалась;
Вихрь скользил между холмов.
И, тряхнувшись, в поле диком
Серый сокол тихо сел;
И к нему с ответным криком
Брат стрелою прилетел.
«Братец, братец, что ты видел?
Расскажи мне поскорей».
«Ах, я свет возненавидел
И безжалостных людей».
«Что ж ты видел там худого?»
«Кучу каменных сердец:
Деве смех тоска милого,
Для детей тиран отец.
Девы мукой слез правдивых
Веселятся как игрой;
И у ног самолюбивых
Гибнут юноши толпой!..
Братец, братец! ты что ж видел?
Расскажи мне поскорей!»
«Свет и я возненавидел

И изменчивых людей.
Ношею обманов скрытых
Юность там удручена,
Вспоминаний ядовитых
Старость мрачная полна.
Гордость, верь ты мне, прекрасной
Забывается порой;
Но измена девы страстной
Нож для сердца вековой!...»

Грузинская песня

Жила грузинка молодая,
В гареме душном увядая;
Случилось раз:
Из черных глаз
Алмаз любви, печали сын,
Скатился:
Ах, ею старый армянин
Гордился!..

Вокруг нее кристалл, рубины;
Но как не плакать от кручины
У старика?
Его рука
Ласкает деву всякий день:

И что же? —
Скрываются красы как тень.
О боже!..

Он опасается измены.
Его высоки, крепки стены;
Но все любовь
Презрела. Вновь
Румянец на щеках живой
Явился.
И перл между ресниц порой
Не бился...

Но армянин открыл коварность,
Измену и неблагодарность
Как перенести!
Досада, месть,
Впервые вас он только сам
Изведал!
И труп преступницы волнам
Он предал.

Мой демон

Собранье зол его стихия.
Носясь меж дымных облаков,

Он любит бури роковые,
И пену рек, и шум дубров.
Меж листьев желтых, облетевших,
Стоит его недвижимый трон;
На нем, средь ветров онемевших,
Сидит уныл и мрачен он.
Он недоверчивость вселяет,
Он презрел чистую любовь,
Он все моленья отвергает,
Он равнодушно видит кровь
И звук высоких ощущений
Он давит голосом страстей,
И муза кротких вдохновений
Страшится неземных очей.

Жена Севера

Покрыта таинств легкой сеткой,
Меж скал полуночной страны
Она являлася нередко
В года волшебной старины.
И Финна дикие сыны
Ей храмины сооружали,
Как грозной дочери богов,
И скальды северных лесов
Ей вдохновенье посвящали.

Кто зрел ее, тот умирал.
И слух в угрюмой полуночи
Бродил, что будто как металл
Язвили голубые очи.
И только скальды лишь могли
Смотреть на деву издали.
Они платили песнопеньем
За пламенный восторга час;
И пробужден немym виденьем
Был строен их невнятный глас!..

К другу

Взлелеянный на лоне вдохновенья,
С деятельной и пылкою душой,
Я не пленен небесной красотой;
Но я ищу земного упоенья.
Любовь пройдет, как тень пустого сна.
Не буду я счастливым близ прекрасной;
Но ты меня не спрашивай напрасно:
Ты, друг, узнать не должен, кто она.
Навек мы с ней разлучены судьбою,
Я победить жестокость не умел.
Но я ношу отказ и месть с собою,
Но я в любви моей закоренел.
Так вор седой загложшия дубравы

Не кается еще в своих грехах:
Еще он путников, соседей страх,
И мил ему товарищ, нож кровавый!..
Стремится медленно толпа людей,
До гроба самого от самой колыбели,
Игралищем и рока и страстей,
К одной, святой, неизъяснимой цели.
И я к высокому в порыве дум живых,
И я душой летел во дни былые;
Но мне милей страдания земные:
Я к ним привык и не оставляю их...

Элегия

О! Если б дни мои текли
На лоне сладостном покоя и забвенья,
Свободно от сует земли
И далеко от светского волненья,
Когда бы, умирив мое воображенье,
Мной игры младости любимы быть могли,
Тогда б я был с весельем неразлучен,
Тогда б я, верно, не искал
Ни наслаждения, ни славы, ни похвал.
Но для меня весь мир и пуст и скучен,
Любовь невинная не льстит душе моей:
Ищу измен и новых чувствований,

Которые живут хоть колкостью своей
Мне кровь, угасшую от грусти, от страданий,
От преждевременных страстей!..

К***

Глядися чаще в зеркала,
Любуйся милыми очами,
И света шумная хвала
С моими скромными стихами
Тебе покажутся ясней...
Когда же вздох самодовольный
Из груди вырвется невольно,
Когда в молодой душе своей
Самолюбивые волненья
Не будешь в силах утаить:
Мою любовь, мои мученья
Ты оправдаешь, может быть!..

К***

Мы снова встретились с тобой...
Но как мы оба изменились!..
Года унылой чередой
От нас невидимо сокрылись.
Ищу в глазах твоих огня,

Ищу в душе своей волненья.
Ах! как тебя, так и меня
Убило жизни тяготенье!...

Монолог

Поверь, ничтожество есть благо в здешнем свете.
К чему глубокие познания, жажда славы,
Талант и пылкая любовь свободы,
Когда мы их употребить не можем?
Мы, дети севера, как здешние растенья,
Цветем недолго, быстро увядаем...
Как солнце зимнее на сером небосклоне,
Так пасмурна жизнь наша. Так недолго
Ее однообразное течение...
И душно кажется на родине,
И сердцу тяжело, и душа тоскует...
Не зная ни любви, ни дружбы сладкой,
Средь бурь пустых томится юность наша,
И быстро злобы яд ее мрачит,
И нам горька остылой жизни чаша;
И уж ничто души не веселит.

Встреча

(Из Шиллера)

1

Она одна меж дев своих стояла,
Еще я зрю ее перед собой;
Как солнце вешнее, она блистала
И радостной и гордой красотой.
Душа моя невольно замирала;
Я издали смотрел на милый рой;
Но вдруг, как бы летучие перуны,
Мои персты ударились о струны.

2

Что я почувствовал в сей миг чудесный
И что я пел, напрасно вновь пою.
Я звук нашел дотоле неизвестный,
Я мыслей чистую излил струю.
Душе от чувств высоких стало тесно,

И вмиг она расторгла цепь свою,
В ней вспыхнули забытые виденья,
И страсти юные, и вдохновенья.

Баллада

Над морем красавица дева сидит
И, к другу ласкаясь, так говорит:

«Достань ожерелье, спустился на дно;
Сегодня в пучину упало оно!

Ты этим докажешь свою мне любовь!»
Вскипела лихая у юноши кровь,

И ум его обнял невольный недуг,
Он в пенную бездну кидается вдруг.

Из бездны перловые брызги летят,
И волны теснятся, и мчатся назад,

И снова приходят и о берег бьют,
Вот милого друга они принесут.

О счастье! он жив, он скалу ухватил,
В руке ожерелье, но мрачен как был.

Он верить боится усталым ногам,
И влажные кудри бегут по плечам...

«Скажи, не люблю иль люблю я тебя,
Для перлов прекрасной и жизнь не щадя,

По слову спустился на черное дно,
В коралловом гроте лежало оно.

Возьми!» – и печальный он взор устремил
На то, что дороже он жизни любил.

Ответ был: «О милый, о юноша мой!
Достань, если любишь, коралл дорогой».

С душой безнадежной молодой удалец
Прыгнул, чтоб найти иль коралл, иль конец.

Из бездны перловые брызги летят,
И волны теснятся, и мчатся назад,

И снова приходят и о берег бьют,
Но милого друга они не несут.

Перчатка

(Из Шиллера)

Вельможи толпою стояли
И молча зрелища ждали;
Меж них сидел
Король величаво на троне;
Кругом на высоком балконе
Хор дам прекрасный блестел.

Вот царскому знаку внимают.
Скрыпучую дверь отворяют,
И лев выходит степной
Тяжелой стопой.
И молча вдруг
Глядит вокруг.
Зевая лениво,
Трясет желтой гривой
И, всех обозрев,
Ложится лев.

И царь махнул снова,
И тигр суровый

С диким прыжком
Взлетел опасный
И, встретясь с львом,
Завыл ужасно;
Он бьет хвостом,
Потом
Тихо владельца обходит,
Глаз кровавых не сводит...
Но раб пред владыкой своим
Тщетно ворчит и злится:
И невольно ложится
Он рядом с ним.
Сверху тогда упади
Перчатка с прекрасной руки.
Судьбы случайной игрою
Между враждебной четою.

И к рыцарю вдруг своему обратясь,
Кунигунда сказала, лукаво смеясь:
«Рыцарь, пытаться я сердца люблю.
Если сильна так любовь у вас,
Как вы твердите мне каждый час,
То подымите перчатку мою!»

И рыцарь с балкона в минуту бежит,
И дерзко в круг он вступает,

На перчатку меж диких зверей он глядит
И смелой рукой подымает.

«...»

И зрители в робком вокруг ожиданье,
Трепеща, на юношу смотрят в молчанье.
Но вот он перчатку приносит назад.
Отвсюду хвала вылетает,
И нежный, пылающий взгляд —
Недального счастья заклад —
С рукой девицы героя встречает.
Но досады жестокой пылая в огне,
Перчатку в лицо он ей кинул:
«Благодарности вашей не надобно мне!» —
И гордую тотчас покинул.

Дитя в люльке

(Из Шиллера)

Счастлив ребенок! и в люльке просторно ему:
но дай время
Сделаться мужем, и тесен покажется мир.

К*

(Из Шиллера)

Делись со мною тем, что знаешь,
И благодарен буду я.
Но ты мне душу предлагаешь:
На кой мне черт душа твоя!..

Молитва

Не обвиняй меня, всесильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мрак земли могильный
С ее страстями я люблю;
За то, что редко в душу входит
Живых речей твоих струя;
За то, что в заблужденье бродит
Мой ум далеко от тебя;
За то, что лава вдохновенья
Клокочет на груди моей;
За то, что дикие волненья
Мрачат стекло моих очей;
За то, что мир земной мне тесен,

К тебе ж проникнуть я боюсь,
И часто звуком грешных песен
Я, боже, не тебе молюсь.

Но угаси сей чудный пламень,
Всесожигающий костер,
Преобрати мне сердце в камень,
Останови голодный взор;
От страшной жажды песнопенья
Пускай, творец, освобожусь,
Тогда на тесный путь спасенья
К тебе я снова обращаюсь.

1830

«...»

Один среди людского шума,
Взрос под сенью чуждой я.
И гордо творческая дума
На сердце зрела у меня.
И вот прошли мои мученья,
Нашлись пылкие друзья,
Но я, лишенный вдохновенья,
Скучал судьбою бытия.
И снова муки посетили
Мою воскреснувшую грудь.
Измены душу заразили
И не давали отдохнуть.
Я вспомнил прежние несчастья,
Но не найду в душе моей
Ни честолюбья, ни участия,
Ни слез, ни пламенных страстей.

Звезда

Вверху одна

Горит звезда,
Мой ум она
Манит всегда,
Мои мечты
Она влечет
И с высоты
Меня зовет.
Таков же был
Тот нежный взор,
Что я любил
Судьбе в укор;
Мук никогда
Он зреть не мог,
Как та звезда,
Он был далек;
Усталых вежд
Я не смыкал,
Я без надежд
К нему взирал.

Раскаянье

К чему мятежное роптанье,
Укор владеющей судьбе?
Она была добра к тебе,
Ты создал сам свое страданье.

Бессмысленный, ты обладал
Душою чистой, откровенной,
Всеобщим злом не зараженной.
И этот клад ты потерял.

Огонь любви первоначальной
Ты в ней решился зародить
И далее не мог любить,
Достигнув цели сей печальной.
Ты презрел все; между людей
Стоишь, как дуб в стране пустынной,
И тихий плач любви невинной
Не мог потрясть души твоей.

Не дважды бог дает нам радость,
Взаимной страстью веселя;
Без утешения, томя,
Пройдет и жизнь твоя, как младость.
Ее лобзанье встретишь ты
В устах обманщицы прекрасной;
И будут пред тобой всечасно
Предмета первого черты.

О, вымоли ее прощенье,
Пади, пади к ее ногам,
Не то ты приготовишь сам

Свой ад, отвергнув примиренье.
Хоть будешь ты еще любить,
Но прежним чувствам нет возврата,
Ты вечно первую утрату
Не будешь в силах заменить.

Венеция

1

Поверхностью морей отражена,
Богатая Венеция почила,
Сырой туман дымился, и луна
Высокие твердыни осребрила.
Чуть виден бег далекого ветрила,
Студеная вечерняя волна
Едва шумит вод веслами гондолы
И повторяет звуки баркаролы.

2

Мне чудится, что это ночи стон,
Как мы, своим покоем недовольной,
Но снова песнь! и вновь гитары звон!
О, бойтесь, мужья, сей песни вольной.

Советую, хотя мне это больно,
Не выпускать красавиц ваших, жен;
Но если вы в сей миг неверны сами,
Тогда, друзья! да будет мир меж вами!

3

И мир с тобой, прекрасный Чичизбей,
И мир с тобой, лукавая Мелина.
Неситесь по прихоти морей,
Любовь нередко бережет пучина;
Хоть и над морем царствует судьбина,
Гонитель вечный счастливых людей,
Но талисман пустынного лобзанья
Уводит сердца темные мечтанья.

4

Рука с рукой, свободу дав очам,
Сидят в ладье и шепчут меж собою;
Она вверяет месячным лучам
Младую грудь с пленительной рукою,
Укрытые досель под епанчою,
Чтоб юношу сильнее прижать к устам;
Меж тем вдали, то грустный, то веселый,

Раздался звук обычной баркаролы:

Как в дальнем море ветерок,
Свободен вечно мой челнок;
Как речки быстрое русло,
Не устает мое весло.

Гондола по воде скользит,
А время по любви летит;
Опять сравнивается вода,
Страсть не воскреснет никогда.

«Я видел раз ее в веселом вихре бала...»

Я видел раз ее в веселом вихре бала;
Казалось, мне она понравиться желала;
Очей приветливость, движений быстрота,
Природный блеск ланит и груди полнота —
Всё, всё наполнило б мне ум очарованьем,
Когда б совсем иным, бессмысленным
желаньем

Я не был угнетен; когда бы предо мной
Не пролетала тень с насмешкою пустой,
Когда б я только мог забыть черты другие,
Лицо бесцветное и взоры ледяные!..

Подражание Байрону

Не смейся, друг, над жертвою страстей,
Венец терновый я сужден влачить;
Не быть ей вечно у груди моей,
И что ж, я не могу другой любить.
Как цепь гремит за узником, за мной
Так мысль о будущем, и нет иной.

Я вижу длинный ряд тяжелых лет,
А там людьми презренный гроб, он ждет.
И до него надежды нет, и нет
За ним того, что ожидает тот,
Кто жил одной любовью, погубил
Все в жизни для нее, а все любил.

И вынести мог сей взор ледяный я
И мог тогда ей тем же отвечать.
Увижу на руках ее дитя
И стану я при ней его ласкать,
И в каждой ласке мать узнает вновь,
Что время не могло унести любовь!..

К Дурнову

Довольно любил я, чтоб вечно грустить,
Для счастья же мало любил,
Но полно, что пользы мне душу открыть,
Зачем я не то, что я был?

В вечернее время, в час первого сна,
Как блещет туман средь долин,
На месте, где прежде бывала она,
Брожу беспокоен, один.

Тогда ты глаза и лицо примечай,
Движенья спеши понимать,
И если тебе удалось... то ступай!
Я больше не мог бы сказать.

Арфа

I

Когда зеленый дерн мой скроет прах,
Когда, простясь с недолгим бытием,
Я буду только звук в твоих устах,

Лишь тень в воображении твоём;
Когда друзья молодые на пирах
Меня не станут поминать вином,
Тогда возьми простую арфу ты,
Она была мой друг и друг мечты.

II

Повесь ее в дому против окна,
Чтоб ветер осени играл над ней,
И чтоб ему ответила она
Хоть отголоском песен прошлых дней;
Но не проснется звонкая струна
Под белоснежною рукой твоей,
Затем что тот, кто пел твою любовь,
Уж будет спать, чтоб не проснуться вновь.

Кавказ

Хотя я судьбой на заре моих дней,
О южные горы, отторгнут от вас,
Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз:
Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ.

В младенческих летах я мать потерял.

Но мнилось, что в розовый вечера час
Та степь повторяла мне памятный глас.
За это люблю я вершины тех скал,
Люблю я Кавказ.

Я счастлив был с вами, ущелия гор,
Пять лет пронеслось: все тоскую по вас.
Там видел я пару божественных глаз;
И сердце лепечет, вспомя тот взор:
Люблю я Кавказ!..

К***

Не говори: одним высоким
Я на земле воспламенен,
К нему лишь с чувством я глубоким
Бужу забытой лиры звон;
Поверь: великое земное
Различно с мыслями людей.
Сверши с успехом дело злое —
Велик; не удалось — злодей;
Среди дружин необозримых
Был чуть не бог Наполеон;
Разбитый же в снегах родимых
Безумцем порицаем он;
Внимая шум воды прибрежной,

В изгнании дальнем он погас —
И что ж? Конец его мятежный
Не отуманил наших глаз!..

Опасение

Страшись любви: она пройдет,
Она мечтой твой ум встревожит,
Тоска по ней тебя убьет,
Ничто воскреснуть не поможет.

Краса, любимая тобой,
Тебе отдаст, положим, руку...
Года мелькнут... летун седой
Укажет вечную разлуку...

И беден, жалок будешь ты,
Глядящий с кресел иль подушки
На безобразные черты
Твоей докучливой старушки,

Коль мысли о былых летах
В твой ум закрадутся порою
И вспомнишь, как на сих щеках
Играло жизнью молодою...

Без друга лучше дни влачить
И к смерти радостней клониться,
Чем два удара выносить
И сердцем о двоих крушиться!..

Стансы

Люблю, когда, борясь с душою,
Краснеет девица моя:
Так перед вихрем и грозою
Красна вечерняя заря.

Люблю и вздох, что ночью лунной
В лесу из уст ее скользит:
Звук тихий арфы златострунной
Так с хладным ветром говорит.

Но слаще встретить средь моления
Ее слезу очам моим:
Так, зря спасителя мученья,
Невинный плакал херувим.

Н.Ф. И.....вой

Любил с начала жизни я
Угрюмое уединенье,

Где укрывался весь в себя,
Бояся, грусть не утая,
Будить людское сожаленье;

Счастливыцы, мнил я, не поймут
Того, что сам не разберу я,
И черных дум не унесут
Ни радость дружеских минут,
Ни страстный пламень поцелуя.

Мои неясные мечты
Я выразить хотел стихами,
Чтобы, прочтя сии листы,
Меня бы примирила ты
С людьми и с буйными страстями;

Но взор спокойный, чистый твой
В меня вперился изумленный.
Ты покачала головой,
Сказав, что болен разум мой,
Желаньем вздорным ослепленный.

Я, веруя твоим словам,
Глубоко в сердце погрузился,
Однако же нашел я там,
Что ум мой не по пустякам

К чему-то тайному стремился,

К тому, чего даны в залог
С толпою звезд ночные своды,
К тому, что обещал нам бог
И что б уразуметь я мог
Через мышления и годы.

Но пылкий, но суровый нрав
Меня грызет от колыбели...
И в жизни зло лишь испытал,
Умру я, сердцем не познав
Печальных дум печальной цели.

Весна

Когда весной разбитый лед
Рекой взволнованной идет,
Когда среди лугов местами
Чернеет голая земля
И мгла ложится облаками
На полуюные поля, —
Мечтанье злое грусть лелеет
В душе неопытной моей;
Гляжу, природа молодеет,
Но молодеть лишь только ей;

Ланит спокойных пламень алый
С собою время уведет,
И тот, кто так страдал, бывало,
Любви к ней в сердце не найдет.

Ночь. I

Я зрел во сне, что будто умер я;
Душа, не слыша на себе оков
Телесных, рассмотреть могла б яснее
Весь мир – но было ей не до того;
Боязненное чувство занимало
Ее; я мчался без дорог; пред мною
Не серое, не голубое небо
(И мнилось, не небо было то,
А тусклое, бездушное пространство)
Виднелось; и ничто вокруг меня
Различных теней кинуть не могло,
Которые по нем мелькали;
И два противных диких звука,
Два отголоска целая природы,
Боролися – и ни один из них
Не мог назваться побежденным. Страх
Припомнить жизни гнусные деянья
Иль о добре свершенном возгордиться
Мешал мне мыслить; и летел, летел я

Далеко без желания и цели —
И встретился мне светозарный ангел;
И так, сверкнувши взором, мне сказал:
«Сын праха – ты грешил – и наказание
Должно тебя постигнуть, как других:
Спустись на землю – где твой труп
Зарыт; ступай и там живи, и жди,
Пока придет спаситель – и молись...
Молись – страдай... и выстрадай
прощенье...»

И снова я увидел край земной;
Досадой вид его меня наполнил,
И боль душевных ран, на краткий миг
Лишь заглушенная боязнью, с новой силой
Огнем отчаянья возобновилась;
И (странно мне), когда увидел ту,
Которую любил так сильно прежде,
Я чувствовал один холодный трепет
Досады горькой – и толпа друзей
Ликующих меня не удержала,
С презрением на кубки я взглянул,
Где грех с вином кипел, – воспоминанье
В меня впилося когтями, – я вздохнул,
Так глубоко, как только может мертвый, —
И полетел к своей могиле. Ах!
Как беден тот, кто видит наконец

Свое ничтожество и в чьих глазах
Все, для чего трудился долго он, —
На воздух разлетелось...
И я сошел в темницу, узкий гроб,
Где гнил мой труп, — и там остался я;
Здесь кость была уже видна — здесь мясо
Кусками синее висело — жилы там
Я примечал с засохшею в них кровью...
С отчаяньем сидел я и взирал,
Как быстро насекомые роились
И поедали жадно свою пищу;
Червяк то выползал из впадин глаз,
То вновь скрывался в безобразный череп,
И каждое его движение
Меня терзало судорожной болью.
Я должен был смотреть на гибель друга,
Так долго жившего с моей душою,
Последнего, единственного друга,
Делившего ее земные муки, —
И я помочь ему желал — но тщетно —
Уничтоженья быстрые следы
Текли по нем — и черви умножались;
Они дрались за пищу остальную
И смрадную сырую кожу грызли,
Остались кости — и они исчезли;
В гробу был прах... и больше ничего...

Одною полон мрачною заботой,
Я припадал на бранные останки,
Стараясь их дыханием согреть...
О, сколько б я тогда отдал земных
Блаженств, чтоб хоть одну – одну минуту
Почувствовать в них теплоту. Напрасно,
Они остались холодны – холодны – как
презренье!
Тогда я бросил дикие проклятья
На моего отца и мать, на всех людей, —
И мне блеснула мысль (творенье ада):
Что, если время совершит свой круг
И погрузится в вечность невозвратно,
И ничего меня не успокоит,
И не придут сюда простить меня?..
И я хотел изречь хулы на небо —
Хотел сказать:
Но голос замер мой – и я проснулся.

Разлука

Я виноват перед тобою,
Цены услуг твоих не знал.
Слезами горькими, тоскою
Я о прощенье умолял,
Готов был, ставши на колени,

Проступком называть мечты;
Мои мучительные пени
Бессмысленно отвергнул ты.
Зачем так рано, так ужасно
Я должен был узнать людей
И счастьем жертвовать напрасно
Холодной гордости твоей?..
Свершилось! Вечную разлуку
Трепеща вижу пред собой...
Ледяную встречаю руку
Моей пылающей рукой.
Желаю, чтоб воспоминанье
В чужих людях, в чужой стране
Не принесло тебе страданье
При сожаленье обо мне...

Ночь. II

Погаснул день! – и тьма ночная своды
Небесные как саваном покрывла.
Кой-где во тьме вертелись и мелькали
Светящиеся точки,
И между них земля вертелась наша;
На ней, спокойствием объятый тихим,
Уснуло все – и я один лишь не спал.
Один я не спал... страшным полусветом,

Меж радостью и горестью серединой,
Мое теснилось сердце – и желал я
Веселие или печаль умножить
Вспоминаньем о убитой жизни:
Последнее, однако, было легче!..

Вот с запада *Скелет* неизмеримый
По мрачным сводам начал подниматься
И звезды заслонил собою...
И целые миры пред ним уничтожались,
И все трещало под его шагами, —
Ничтожество за ними оставалось —
И вот приблизился к земному шару
Гигант всесильный – все на ней уснуло,
Ничто встревожиться не мыслило —
единый,
Единый смертный видел, что не дай бог
Созданию живому видеть...

И вот *он* поднял костяные руки —
И в каждой *он* держал по человеку,
Дрожащему – и мне они знакомы были —
И кинул взор на них я – и заплакал!..
И странный голос вдруг раздался:
«Малодушный!
Сын праха и забвения, не ты ли,

Изнемогая в муках нестерпимых,
Ко мне взывал, — я здесь: я смерть!..
Мое владычество безбрежно!.. Вот двое.
Ты их знаешь — ты любил их...
Один из них погибнет. Позволяю
Определить неизбежный жребий...
И ты умрешь, и в вечности погибнешь —
И их нигде, нигде вторично не увидишь —
Знай, как исчезнет время, так и люди,
Его рождение — только бог лишь вечен...
Решись, несчастный!..»

Тут невольный трепет
По мне мгновенно начал разливаться,
И зубы, крепко застучав, мешали
Словам жестоким вырваться из груди;
И наконец, преодолев свой ужас,
К скелету я воскликнул:
«Оба! оба!.. Я верю: нет свиданья — нет
разлуки!..
Они довольно жили, чтобы вечно
Продлилось их наказание.
Ах! — и меня возьми, земного червя —
И землю раздробь, гнездо разврата,
Безумства и печали!..
Все, все берет она у нас обманом

И не дарит нам ничего – кроме рожденья!..
Проклятье этому подарку!..
Мы без него тебя бы не знавали,
Поэтому и тщетной, бедной жизни,
Где нет надежд – и всюду спасенья.
Да гибнут же друзья мои, да гибнут!..
Лишь об одном я буду плакать:
Зачем они не дети!..»

И видел я, как руки костяные
Моих друзей сдавили – их не стало —
Не стало даже призраков и теней...
Туманом облачился образ смерти,
И – так пошел на север. Долго, долго,
Ломая руки и глотая слезы,
Я на творца роптал, страшась молиться!..

Незабудка

(Сказка)

В старинны годы люди были
Совсем не то, что в наши дни;
(Коль в мире есть любовь) любили
Чистосердечнее они.

О древней верности, конечно,
Слыхали как-нибудь и вы,
Но как сказания молвы
Все дело перепортят вечно,
То я вам точный образец
Хочу представить наконец.
У влаги ручейка холодной,
Под тенью липовых ветвей,
Не опасаясь злых очей,
Однажды рыцарь благородный
Сидел с любезною своей...
Тихонько ручкой молодою
Она красавца обняла.
Полна невинной простотою,
Беседа мирная текла.

«Друг, не клянися мне напрасно, —
Сказала дева, – верю я;
Ясна, чиста любовь твоя,
Как эта звонкая струя,
Как этот свод над нами ясный;
Но как она в тебе сильна,
Еще не знаю. Посмотри-ка,
Там рдеет пышная гвоздика,
Но нет: гвоздика не нужна;
Подалее, как ты унылый,

Чуть виден голубой цветок...
Сорви же мне его, мой милый:
Он для любви не так далек!»
Вскочил мой рыцарь, восхищенный
Ее душевной простотой;
Через ручей прыгнув, стрелой
Летит он цветик драгоценный
Сорвать поспешною рукой...
Уж близко цель его стремленья,
Как вдруг под ним (ужасный вид)
Земля неверная дрожит,
Он вязнет, нет ему спасенья!..
Взор кинув, полный весь огня,
Своей красавице безгласной:
«Прости, не позабудь меня!» —
Воскликнул юноша несчастный;
И мигом пагубный цветок
Схватил рукою безнадежной
И сердца пылкого в залог
Его он кинул деве нежной.

Цветок печальный с этих пор
Любови дорог; сердце бьется,
Когда его приметит взор.
Он незабудкою зовется;
В местах сырых, вблизи болот,

Как бы страшась прикосновенья,
Он ищет там уединенья,
И цветом *неба* он цветет,
Где смерти нет и нет забвенья...

Вот повести конец моей;
Судите: быть иль небылица.
А виновата ли девица —
Сказала, верно, совесть ей!

Совет

Если, друг, тебе сгрустнется,
Ты не дуйся, не сердись:
Все с годами пронесется —
Улыбнись и разгрустись.
Дев измены молодые
И неверный путь честей,
И мгновенья скуки злые
Стоят ли тоски твоей?

Не ищи страстей тяжелых;
И покуда бог дает,
Нектар пей часов веселых;
А печаль сама придет.
И, людей не презирая,

Не берись учить других;
Лучшим быть не воображая,
Скоро ты полюбишь их.

Сердце глупое творенье,
Но и с сердцем можно жить,
И безумное волненье
Можно также укротить...
Беден, кто, судьбы в ненастье
Все надежды испытав,
Наконец находит счастье,
Чувство счастья потеряв.

Одиночество

Как страшно жизни сей оковы
Нам в одиночестве влачить.
Делить веселье – все готовы:
Никто не хочет грусть делить.

Один я здесь, как царь воздушный,
Страданья в сердце стеснены,
И вижу, как, судьбе послушно,
Года уходят, будто сны;

И вновь приходят, с позлащенной,

Но той же старою мечтой,
И вижу гроб уединенный,
Он ждет; что ж медлить над землей?

Никто о том не покрутится,
И будут (я уверен в том)
О смерти больше веселиться,
Чем о рождении моем...

В альбом

1

Нет! – я не требую вниманья
На грустный бред души моей,
Не открывать свои желанья
Привыкнул я с давнишних дней.
Пишу, пишу рукой небрежной,
Чтоб здесь чрез много скучных лет
От жизни краткой, но мятежной
Какой-нибудь остался след.

2

Быть может, некогда случится,

Что, все страницы пробежав,
На эту взор ваш устремится,
И вы промолвите: он прав;
Быть может, долго стих унылый
Тот взгляд удержит над собой,
Как близ дороги столбовой
Пришельца – памятник могилы!..

Гроза

Ревет гроза, дымятся тучи
Над темной бездною морской,
И хлещут пеною кипучей,
Толпяся, волны меж собой.
Вкруг скал огнистой лентой вьется
Печальной молнии змея,
Стихий тревожный рой мятется —
И здесь стою недвижим я.

Стою — ужель тому ужасно
Стремленье всех надземных сил,
Кто в жизни чувствовал напрасно
И жизньню обманут был?
Вокруг кого, сей яд сердечный,
Вились сужденья клеветы,
Как вкруг скалы остроконечной

Губитель-пламень, вьешься ты?

О нет! – летай, огонь воздушный,
Свистите, ветры, над главой;
Я здесь, холодный, равнодушный,
И трепет не знаком со мной.

«Гроза шумит в морях с конца в конец...»

Гроза шумит в морях с конца в конец.
Корабль летит по воле бурных вод,
Один на нем спокоен лишь пловец,
Чело печать глубоких дум несет,
Угасший взор на тучи устремлен —
Не ведают, ни кто, ни что здесь он!..

Конечно, он живал между людей
И знает жизнь от сердца своего;
Крик ужаса, моления, скрип снастей
Не трогают молчания его.

Звезда

Светись, светись, далекая звезда,
Чтоб я в ночи встречал тебя всегда;

Твой слабый луч, сражаясь с темнотой,
Несет мечты душе моей больной;
Она к тебе летает высоко;
И груди сей свободно и легко...

Я видел взгляд, исполненный огня
(Уж он давно закрылся для меня),
Но, как к тебе, к нему еще лечу
И хоть нельзя – смотреть его хочу...

Еврейская мелодия

Я видал иногда, как ночная звезда
В зеркальном заливе блеснит;
Как трепещет в струях и серебряный прах
От нее, рассыпаясь, бежит.

Но поймать ты не льстись и ловить не берись:
Обманчивы луч и волна.
Мрак тени твоей только ляжет на ней —
Отойди ж, — и заблещет она.

Светлой радости так беспокойный призрак
Нас манит под хладною мглой;
Ты схватить — он шутя убежит от тебя!
Ты обманут — он вновь пред тобой.

Вечер после дождя

Гляжу в окно: уж гаснет небосклон.
Прощальный луч на вышине колонн,
На куполах, на трубах и крестах
Блестит, горит в обманутых очах;
И мрачных туч огнистые края
Рисуются на небе как змея,
И ветерок, по саду пробежав,
Волнует стебли омоченных трав...
Один меж них приметил я цветок,
Как будто перл, покинувший восток,
На нем вода блистаючи дрожит,
Главу свою склонивши, он стоит,
Как девушка в печали роковой:
Душа убита, радость над душой;
Хоть слезы льет из пламенных очей,
Но помнит все о красоте своей.

Наполеон

(Дума)

В неверный час, меж днем и темнотой,

Когда туман синеет над водой,
В час грешных дум, видений, тайн и дел,
Которых луч узреть бы не хотел,
А тьма укрыть, чья тень, чей образ там,
На берегу, склонивши взор к волнам,
Стоит вблизи нагбенного креста?
Он не живой. Но также не мечта:
Сей острый взгляд с возвышенным челом
И две руки, сложенные крестом.

Пред ним лепечут волны и бегут,
И вновь приходят, и о скалы бьют;
Как легкие ветрилы, облака
Над морем носятся издалека.
И вот глядит неведомая тень
На тот восток, где новый брезжит день;
Там Франция! – там край ее родной
И славы след, быть может скрытый мглой;
Там, средь войны, ее неслися дни...
О! для чего так кончились они!..

Прости, о слава! обманувший друг.
Опасный ты, но чудный, мощный звук;
И скиптр... о вас забыл Наполеон;
Хотя давно умерший, любит он
Сей малый остров, брошенный в морях,

Где сгнил его и червем съеден прах,
Где он страдал, покинут от друзей,
Презрев судьбу с гордыней прежних дней,
Где стаивал он на берегу морском,
Как ныне грустен, руки сжав крестом.

О! как в лице его еще видны
Следы забот и внутренней войны,
И быстрый взор, дивящий слабый ум,
Хоть чужд страстей, все полон прежних дум;
Сей взор как трепет в сердце проникал
И тайные желанья узнавал,
Он тот же все; и той же шляпой он,
Сопутницею жизни, осенен.
Но – посмотри – уж день блеснул в струях...
Призрака нет, все пусто на скалах.

Нередко внемлет житель сих берегов
Чудесные рассказы рыбаков.
Когда гроза бунтует и шумит,
И блещет молния, и гром гремит,
Мгновенный луч нередко озарял
Печальну тень, стоящую меж скал.
Один пловец, как ни был страх велик,
Мог различить недвижный смуглый лик,
Под шляпою, с нахмуренным челом,

И две руки, сложенные крестом.

Эпитафия Наполеона

Да тень твою никто не порицает,
Муж рока! ты с людьми, что над тобою рок;
Кто знал тебя возвесть, лишь тот низвергнуть
мог:
Великое ж ничто не изменяет.

К глупой красавице

Тобой пленяться издали
Мое все зрение готово,
Но слышать боже сохрани
Мне от тебя одно хоть слово.
Иль смех, иль страх в душе моей
Заменит сладкое мечтанье,
И глупый смысл твоих речей
Оледенит очарованье...

Так смерть красна издалика;
Пускай она летит стрелою.
За ней я следую пока,
Лишь только б не она за мною.
За ней я всюду полечу

И наслажуся в созерцанье,
Но сам привлечь ее вниманье
Ни за полмира не хочу.

Очи N.N

Нет смерти здесь; и сердце вторит: нет;
Для смерти слишком весел этот свет.
И не твоим глазам творец судил
Гореть, играть для тленья и могил...
Хоть все возьмет могильная доска,
Их пожалеет смерти злой рука;
Их луч с небес, и, как в родных краях,
Они блеснут звездами в небесах!

Кавказу

Кавказ! далекая страна!
Жилище вольности простой!
И ты несчастьями полна
И окровавлена войной!..
Ужель пещеры и скалы
Под дикой пеленою мглы
Услышат также крик страстей,
Звон славы, злата и цепей?..
Нет! прошлых лет не ожидай,

Черкес, в отечество свое:
Свободе прежде милый край
Приметно гибнет для нее.

Утро на Кавказе

Светает – вьется дикой пеленой
Вокруг лесистых гор туман ночной;
Еще у ног Кавказа тишина;
Молчит табун, река журчит одна.
Вот на скале новорожденный луч
Зарделся вдруг, прорезавшись меж туч,
И розовый по речке и шатрам
Разлился блеск, и светит там и там:
Так девушки, купаясь в тени,
Когда увидят юношу они,
Краснеют все, к земле склоняют взор:
Но как бежать, коль близок милый вор!..

**«Прости, мой друг!..
как призрак я лечу...»**

Прости, мой друг!.. как призрак я лечу
В далекий край: печали я ищу;
Хочу грустить, но лишь не пред тобой.
Ты можешь жить, не слыша голос мой;

Из всех блаженств, отнятых у меня,
Осталось мне одно: видать тебя,
Тот взор, что небо жалостью зажгло.
Всё кончено! – ни бледное чело,
Ни пасмурный и недовольный взгляд
Ничем, ничем не омрачат!..
Меня забыть прекрасной нет труда, —
И я тебя забуду навсегда;
Я мучусь, если мысль ко мне придет,
Что и тебя несчастье убьет,
Что некогда с ланит и с уст мечта
Как дым слетит, завянет красота,
Забьется сердце медленней, свинец
Тоски на нем – и что всему конец!..
Однако ж я желал бы увидеть
Твой хладный труп, чтобы себе сказать:
«Чего еще! желанья отняты,
Бедняк – теперь совсем, совсем оставлен ты!»

Челнок

Воеет ветер и свистит пред недалёкой грозой;
По морю, на темный восток,
Озаряемый молнией, кидаем волной,
Несется неверный челнок.
Два гребца в нем сидят с беспокойным челом,

И что-то у ног их под белым холстом.

И вихорь сильней по волнам пробежал,
И сорван летучий покров.

Под ним человек неподвижно лежал
И бледный, как жертва гробов;
Взор мрачен и дик, как сражения дым,
Как тучи на небе иль волны под ним.

В чалме он богатой, с обритой главой,
И цепь на руках и ногах,
И рана близ сердца, и ток кровяной
Не держит опасности страх;
Он смерть равнодушнее спутников ждет,
Хотя его прежде она уведет.

Так с смертью вечно: чем ближе она,
Тем менее жалко нам свет;
Две могилы не так нам страшны, как одна,
Потому что надежды здесь нет.
И если б не ждал я счастливого дня,
Давно не дышала бы грудь у меня!..

Отрывок

На жизнь надеяться страшась

Живу, как камень меж камней,
Излить страдания скупясь:
Пушай сгниют в груди моей.
Рассказ моих сердечных мук
Не возмутит ушей людских.
Ужель при сшибке камней звук
Проникнет в середину их?

Хранится пламень неземной
Со дней младенчества во мне.
Но велено ему судьбой,
Как жил, погибнуть в тишине.
Я твердо ждал его плодов,
С собой беседовать любя.
Утихнет звук сердечных слов:
Один, один останусь я.

Для тайных дум я пренебрег
И путь любви и славы путь,
Все, чем хоть мало в свете мог
Иль отличиться, иль блеснуть;
Беднейший средь существ земных,
Останусь я в кругу людей,
Навек лишась достоинств их
И добродетели своей!

Две жизни в нас до гроба есть.
Есть грозный дух: он чужд уму;
Любовь, надежда, скорбь и месть:
Все, все подвержено ему.
Он основал жилище там,
Где можем память сохранять,
И предвещает гибель нам,
Когда уж поздно избегать.

Терзать и мучить любит он;
В его речах нередко ложь;
Он точит жизнь, как скорпион.
Ему поверил я – и что ж!
Взгляните на мое чело,
Всмотритесь в очи, в бледный цвет;
Лицо мое вам не могло
Сказать, что мне пятнадцать лет.

И скоро старость приведет
Меня к могиле – я взгляну
На жизнь – на весь ничтожный плод —
И о прошедшем вспомяну:
Придет сей верный друг могил,
С своей холодной красотой:
Об чем страдал, что я любил,
Тогда лишь будет мне мечтой.

Ужель единый гроб для всех
Уничтожением грозит?
Как знать: тогда, быть может, смех
Полмертвого воспламенит!
Придет веселость, звук чужой
Поныне в словаре моем:
И я об юности златой
Не погорюю пред концом.

Теперь я вижу: пышный свет
Не для людей был сотворен.
Мы сгинем, наш сотрется след,
Таков наш рок, таков закон;
Наш дух вселенной вихрь умчит
К безбрежным, мрачным сторонам,
Наш прах лишь землю умягчит
Другим, чистейшим существам.

Не будут проклинять они;
Меж них ни злата, ни честей
Не будет. Станут течь их дни,
Невинные, как дни детей;
Меж них ни дружбу, ни любовь
Приличья цепи не сожмут,
И братьев праведную кровь

Они со смехом не прольют!..

К ним станут (как всегда могли)

Слетаться ангелы. А мы

Увидим этот рай земли,

Окованы над бездной тьмы.

Укоры зависти, тоска

И вечность с целию одной:

Вот казнь за целые века

Злодейств, кипевших под луной.

«Оставленная пúстынь предо мной...»

1

Оставленная пúстынь предо мной

Белеется вечернею порой.

Последний луч на ней еще горит;

Но колокол растреснувший молчит.

Его (бывало) заунывный глас

Звал братий к всенощне в сей мирный час!

Зеленый мох, растущий над окном,

Заржавленные ставни – и кругом

Высокая полынь – все, все без слов

Нам говорит о таинствах гробов.

.....

Таков старик, под грузом тяжких лет
Еще хранящий жизни первый цвет;
Хотя он свеж, на нем печать могил
Тех юношей, которых пережил.

2

Пред мной готическое зданье
Стоит, как тень былых годов;
При нем теснится чувствованье
К нам в грудь того, чему нет слов,
Что выше теплого участия,
Святей любви, спокойней счастья.

Быть может, через много лет
Сия священная обитель
Оставит только мрачный след,
И любопытный посетитель
В развалинах людей искать
Напрасно станет, чтоб узнать,

Где образ божеской могилы
Между златых колонн стоял,
Где теплились паникадилы,

Где лик отшельников звучал
И где пред богом изливали
Свои грехи, свои печали.

И там (как знать) найдет прошлец
Пергамент пыльный. Он увидит,
Как сердце любит по конец
И бесконечно ненавидит,
Как ни вериги, ни кlobук
Не облегчают наших мук.

Он тех людей узрит гробницы,
Их эпитафии пройдет,
Времен тогдашних небылицы
За речи истинны почтет,
Не мысля, что в сем месте сгнили
Сердца, которые любили!..

К. ...

«Простите мне, что я решился к вам
Писать. Перо в руке – могила
Передо мной. Но что ж? все пусто там.
Все прах, что некогда она манила
К себе. Вокруг меня толпа родных,
Слезами жалости покрыты лица.

И я пишу – пишу – но не для них.
Любви моей не холодит гробница.
Любви – но вы не знали мук моих.
Я чувствую, что это труд ничтожный:
Не усладит последних он минут.
Но так и быть – пишу – пока возможно —
Сей труд души моей любимый труд!
Прими письмо мое. Твой взор увидит,
Что я не мог стеснить души своей
К молчанью – так ужасна власть страстей!
Тебя письмо страдальца не обидит...
Я в жизни – много – много испытал,
Ошибся в дружбе – о! храни моих мучений
Слова – прости – и больше нет волнений,
Прости, мой друг», – и подписал: «Евгений».

Ночь. III

Темно. Все спит.
Лишь только жук ночной,
Жужжа, в долине пролетит порой;
Из-под травы блистает червячок,
От наших дум, от наших бурь далек.
Высоких лип стал пасмурней навес,
Когда луна взошла среди небес...
Нет, в первый раз прелестна так она!

Он здесь. Стоит. Как мрамор, у окна.
Тень от него чернеет по стене.
Недвижный взор поднят, но не к луне;
Он полон всем, чем только яд страстей
Ужасен был и мил сердцам людей.
Свеча горит, забыта на столе,
И блеск ее с лучом луны в стекле
Мешается, играет, как любви
Огонь живой с презрением в крови!
Кто ж он? кто ж он, сей нарушитель сна?
Чем эта грудь мятежная полна?
О, если б вы умели угадать
В его очах, что хочет он скрывать!
О, если б мог единый бедный друг
Хотя смягчить души его недуг!

Farewell¹

(Из Байрона)

Прости! коль могут к небесам
Взлетать молитвы о других,
Моя молитва будет там
И даже улетит за них!

¹ Прощай (*англ.*).

Что пользы плакать и вздыхать,
Слеза кровавая порой
Не может более сказать,
Чем звук прощанья роковой!..

Нет слез в очах, уста молчат,
От тайных дум томится грудь,
И эти думы вечный яд, —
Им не пройти, им не уснуть!
Не мне о счастье бредить вновь, —
Лишь знаю я (и мог снести),
Что тщетно в нас жила любовь, —
Лишь чувствую – прости! – прости!

Элегия

Дробись, дробись, волна ночная,
И пеной орошай берега в туманной мгле.
Я здесь стою близ моря на скале,
Стою, задумчивость питая,
Один, покинув свет, и чуждый для людей,
И никому тоски поверить не желая.
Вблизи меня палатки рыбарей;
Меж них блестит огонь гостеприимный,
Семья беспечная сидит вокруг огонька
И, внемля повесть старика,

Себе готовит ужин дымный!

Но я далек от счастья их душой,

Я помню блеск обманчивой столицы,

Веселий пагубных невозвратимый рой.

И что ж? – слеза бежит с ресницы,

И сожаление мою тревожит грудь,

Года погибшие являются всечасно;

И этот взор, задумчивый и ясный —

Твержу, твержу душе: забудь.

Он все передо мной: я все твержу напрасно!..

О, если б я в сем месте был рожден,

Где не живет среди людей коварность:

Как много бы я был судьбою одолжен —

Теперь у ней нет прав на благодарность! —

Как жалок тот, чья младость принесла

Морщину лишнюю для старого чела

И, отобрав все милые желанья,

Одно печальное раскаянье дала;

Кто чувствовал, как я, — чтоб чувствовать

страданья,

Кто рано свет узнал — и с страшной пустотой,

Как я, оставил брег земли своей родной

Для добровольного изгнанья!

Эпитафия

Простосердечный сын свободы,
Для чувств он жизни не щадил;
И верные черты природы
Он часто списывать любил.

Он верил темным предсказаниям,
И талисманам, и любви,
И неестественным желаньям
Он отдал в жертву дни свои,

И в нем душа запас хранила
Блаженства, муки и страстей.
Он умер. Здесь его могила.
Он не был создан для людей.

Sentenz²

Когда бы мог весь свет узнать,
Что жизнь с надеждами, мечтами
Не что иное – как тетрадь
С давно известными стихами.

² Сентенция (нем.).

Гроб Оссиана

Под занавесою тумана,
Под небом бурь, среди степей,
Стоит могила Оссиана
В горах Шотландии моей.
Летит к ней дух мой усыпленный,
Родимым ветром подышать
И от могилы сей забвенной
Вторично жизнь свою занять!..

Посвящение

Прими, прими мой грустный труд
И, если можешь, плачь над ним;
Я много плакал – не придут
Вновь эти слезы – вечно им
Не освежать моих очей.
Когда катилися они,
Я думал, думал все об ней.
Жалел и ждал другие дни!
Уж нет ее, и слез уж нет —
И нет надежд – передо мной
Блестит надменный, глупый свет
С своей красивой пустотой!

Ужель я для него писал?
Ужели важному шуту
Я вдохновенье посвящал,
Являя сердца полноту?
Ценить он только злато мог
И гордых дум не постигал;
Мой гений сплел себе венок
В ущелинах кавказских скал.
Одним высоким увлечен,
Он только жертвует любви:
Принести тебе лишь может он
Любимые труды свои.

К Су<шковой>

Вблизи тебя до этих пор
Я не слышал в груди огня.
Встречал ли твой прелестный взор —
Не билось сердце у меня.

И что ж? — разлуки первый звук
Меня заставил трепетать;
Нет, нет, он не предвестник мук;
Я не люблю — зачем скрывать!

Однако же хоть день, хоть час

Еще желал бы здесь пробыть,
Чтоб блеском этих чудных глаз
Души тревоги усмирить.

1830. Майя. 16 числа

Боюсь не смерти я. О нет!
Боюсь исчезнуть совершенно.
Хочу, чтоб труд мой вдохновенный
Когда-нибудь увидел свет;
Хочу – и снова затрудненье!
Зачем? что пользы будет мне?
Мое свершится разрушенье
В чужой, неведомой стране.
Я не хочу бродить меж *вами*
По разрушении! – Творец,
На то ли я звучал струнами,
На то ли создан был певец?
На то ли вдохновенье, страсти
Меня к могиле привели?
И нет в душе довольно власти —
Люблю мучения земли.
И этот образ, он за мною
В могилу силится бежать,
Туда, где обещал мне дать
Ты место к вечному покою.

Но чувствую: покоя нет,
И там и там его не будет;
Тех длинных, тех жестоких лет
Страдалец вечно не забудет!..

Гость

Как прошлец иноплеменный
В облаках луна скользит.
Колокольчик отдаленный
То замолкнет, то звенит.
«Что за гость в ночи морозной?» —
Мужу говорит жена,
Сидя рядом, в вечер поздний
Возле тусклого окна...

Вот кибитка подъезжает...
На высокое крыльцо
Из кибитки вылезает
Незнакомое лицо.
И слуга вошел с свечою,
Бедный вслед за ним монах:
Ныне позднею порою
Заплутался он в лесах.

И ему ночлег дается —

Что ж стоишь, отшельник, ты?
Свечки луч печально льется
На печальные черты.
Чудным взор огнем светился,
Он хозяйку вдруг узнал,
Он дрожит – и вот забылся
И к ногам ее упал.

Муж ушел тогда. О! прежде
Жил чернец лишь для нее,
Обманулся он в надежде,
Погубил он с нею все.
Но промчалось исступленье;
Путник в комнате своей,
Чтоб рыдания и мученье
Схоронить от глаз людей.

Но рыдания звучали
Вплоть до белая зари,
Наконец и замолчали.
Поутру к нему вошли:
На полу он посинелый,
Как замученный, лежал;
И бесчувственное тело
Плащ печальный покрывал!..

К***

Не думай, чтоб я был достоин сожаленья,
Хотя теперь слова мои печальны, – нет,
Нет! все мои жестокие мученья —
Одно предчувствие гораздо больших бед.

Я молод; но кипят на сердце звуки,
И Байрона достигнуть я б хотел;
У нас одна душа, одни и те же муки, —
О, если б одинаков был удел!..

Как он, ищу забвенья и свободы,
Как он, в ребячестве пылал уж я душой,
Любил закат в горах, пенящиеся воды
И бурь земных и бурь небесных вой.

Как он, ищу спокойствия напрасно,
Гоним повсюду мыслию одной.
Гляжу назад – прошедшее ужасно;
Гляжу вперед – там нет души родной!

Дереву

Давно ли с зеленью радушной

Передо мной стояло ты
И я коре твоей послушной
Вверял любимые мечты;
Лишь год назад, два талисмана
Светилися в тени твоей,
И ниже замысла обмана
Не скрылося в душе детей!..

Детей! – о! да, я был ребенок! —
Промчался легкой страсти сон;
Дремоты флер был слишком тонок —
В единый миг прорвался он.
И деревцо с моей любовью
Погибло, чтобы вновь не цвести;
Я жизнь его купил бы кровью, —
Но как переменить, что *есть*?

Ужели также вдохновенье
Умрет невозвратно с ним?
Иль шуму светского волненья
Бороться с сердцем молодым?
Нет, нет, – мой дух бессмертен силой,
Мой гений веки пролетит
И эти ветви над могилой
Певца-страдальца освятит.

Предсказание

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мертвых тел
Начнет бродить среди печальных сел,
Чтобы платком из хижин вызывать,
И станет глад сей бедный край терзать;
И зарево окрасит волны рек:
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь – и поймешь,
Зачем в руке его булатный нож:
И горе для тебя! – твой плач, твой стон
Ему тогда покажется смешон;
И будет все ужасно, мрачно в нем,
Как плащ его с возвышенным челом.

«Все тихо – полная луна...»

Все тихо – полная луна
Блестит меж ветел над прудом,

И возле берега волна
С холодным резвится лучом.

«Никто, никто, никто не усладил...»

Никто, никто, никто не усладил
В изгнание сем тоски мятежной!
Любить? – три раза я любил,
Любил три раза безнадежно.

11 июля

Между лиловых облаков
Однажды вечера светило
За снежной цепью холмов,
Краснея ярко, заходило,
И возле девы молодой,
Последним блеском озаренной,
Стоял я бледный, чуть живой,
И с головы ее бесценной
Моих очей я не сводил.
Как долго это я мгновенье
В туманной памяти хранил.
Ужель все было сновиденье:
И ложе девы, и окно,
И трепет милых уст, и взгляды,

В которых мне запрещено
Судьбой искать себе отрады?
Нет, только счастье ослепить
Умеет мысли и желанья,
И сном никак не может быть
Все, в чем хоть искра есть страдания!

1830 год. Июля 15-го

(Москва)

Зачем семьи родной безвестный круг
Я покидал? Все сердце грело там,
Все было мне наставник или друг,
Все верило младенческим мечтам.
Как ужасы пленяли юный дух,
Как я рвался на волю, к облакам!
Готов лобзать уста друзей был я,
Не посмотрев, не скрыта ль в них змея.

Но в общество иное я вступил,
Узнал людей и дружеский обман,
Стал подозрителен и погубил
Беспечности душевной талисман.
Чтобы никто теперь не говорил:

Он будет друг мне! – боль старинных ран
Из груди извлечет не речь, но стон;
И не привет, упрек услышит он.

Ах! я любил, когда я был счастлив,
Когда лишь от любви мог слезы лить.
Но, эту грудь страданием напоив,
Скажите мне, возможно ли любить?
Страшусь, в объятья деву заключив,
Живую душу ядом отравить
И показать, что сердце у меня
Есть жертвенник, сгоревший от огня.

Но лучше я, чем для людей кажусь,
Они в лице не могут чувств прочесть;
И что молва кричит о мне... боюсь!
Когда б я знал, не мог бы перенести.
Противу них во мне горит, клянусь,
Не злоба, не презрение, не месть.
Но... для чего старались они
Так отравить ребяческие дни?

Согбенный лук, порвавши тетиву,
Гремит – но вновь не будет прям, как был,
Чтоб цепь их сбросить, я, подняв главу,
Последнее усилие свершил;

Что ж. Ныне жалкий, грустный я живу
Без дружбы, без надежд, без дум, без сил,
Бледней, чем луч бесчувственной луны,
Когда в окно скользит он вдоль стены.

Булевар

С минуту лишь с бульвара прибежав,
Я взял перо – и, право, очень рад,
Что плод над ним моих привычных прав
Узнает вновь бульварный маскерад;
Сатиров я, для помощи призвав, —
Подговорю, – и все пойдет на лад.
Ругай людей, но лишь ругай остро;
Не то – ... ко всем чертям твое перо!..

Приди же из подземного огня,
Чертеноч мой, взъерошенный остряк,
И поугаеи сядь вблизи меня.
«Дурачок» скажу – и ты кричи «дурачок».
Не устоит бульварная семья —
Хоть морщи лоб, хотя сожми кулак,
Невинная красочка в сорок лет —
Пятнадцати тебе все нет как нет!

И ты, мой старец с рыжим париком,

Ты, депутат столетий и могил,
Дрожащий весь и схожий с жеребцом,
Как кровь ему из всех пускают жил,
Ты здесь бредешь и смотришь сентябрем,
Хоть там княжна лепечет: «Как он мил!»
А для того и силится хвалить,
Чтоб свой порок в Ч**** извинить!..

Подальше на креслах там другой;
Едва сидит согбенный сын земли;
Он как знаток глядит в лорнет двойной;
Власы его в серебряной пыли.
Он одарен восточною душой,
Коль душу в нем в сто лет найти могли.
Но я клянусь (пусть кончив – буду прах),
Она тонка, когда в его ногах.

И что ж? – он прав, он прав, друзья мои.
Глупец, кто жил, чтоб на диете быть;
Умен, кто отдал дни свои любви;
И этот муж копил: чтобы любить.
Замен души он находил в крови.
Но тот блажен, кто может говорить,
Что он вкушал до капли мед земной,
Что он любил и телом и душой!..

И я любил! – опять к своим страстям!
Брось, брось свои безумные мечты!
Пора склонить внимание на дам,
На этих кандидатов красоты,
На их наряд – как описать все вам?
В наряде их нет милой простоты:
Все так высоко, так взгромождено,
Как бурю на них нанесено.

Приметна спесь в их пошлой болтовне,
Уста всегда сказать готовы: *нет*.
И холодны они, как при луне
Нам кажется прабабушки портрет;
Когда гляжу, то, право, жалко мне,
Что вкус такой имеет модный свет.
Ведь думают тенетом лент, кисей,
Как зайчиков, поймать моих друзей.

Сидел я раз случайно под окном,
И вдруг головка вышла из окна,
Незавита и в чепчике простом.
Но как божественна была она.
Уста и взор – стыжусь! в уме моем
Головка та ничем не изгнана;
Как некий сон младенческих ночей
Или как песня матери моей.

И сколько лет уже прошло с тех пор!..
О, верьте мне, красавицы Москвы,
Блистательный ваш головной убор
Вскружить не в силах нашей головы.
Все платья, шляпы, букли ваши вздор,
Такой же вздор, какой твердите вы,
Когда идете здесь толпой комет,
А маменьки бегут за вами вслед.

Но для чего кометами я вас
Назвал, глупец тупейший то поймет
И сам Башуцкой объяснит тотчас.
Комета за собою хвост влечет;
И это всеми признано у нас,
Хотя – что в нем, никто не разберет:
За вами ж хвост оставленных мужьев,
Вздыхателей и бедных женихов!

О женихи! о бедный Мосолов;
Как не вздохнуть, когда тебя найду,
Педантика, из рода петушков,
Средь юных дев как будто бы в чадугу;
Хотя и держишься размеру слов,
Но ты согласен на свою беду,
Что лучше все не думав говорить,

Чем глупо думать и глупей судить.

Он чванится, что точно русский он;
Но если бы таков был весь народ,
То я бы из Руси пустился вон.
И то сказать, чудесный патриот;
Лишь своему языку обучен,
Он этим край родной не выдает:
А то б узнали всей земли концы,
Что есть у нас подобные глупцы.

Песнь барда

I

Я долго был в чужой стране,
Дружин Днепра седой певец,
И вдруг пришло на мысли мне
К ним возвратиться наконец.
Пришел – с гусями за спиной —
Былую песню заиграл...
Напрасно! – князь земли родной
Приказу ханскому внимал...

II

В пустыни, где являлся враг,
Понес я старую главу,
И попирал мой каждый шаг
Окровавленную траву.
Сходились к брошенным костям
Толпы зверей и птиц лесных,
Затем что больше было там
Число убитых, чем живых.

III

Кто мог бы песню спеть одну?
Отчаянным движеньем рук
Задев дрожащую струну,
Случалось, исторгал я звук;
Но умирал так скоро он!
И если б слышал сын цепей,
То гибнущей свободы стон
Не тронул бы его ушей.

IV

Вдруг кто-то у меня спросил:
«Зачем я часто слезы лью,
Где человек так вольно жил?
О ком бренчу, о ком пою?»
Пронзила эта речь меня —
Надежд пропал последний рой,
На землю гусли бросил я
И молча раздавил ногой.

10 июля (1830)

Опять вы, гордые, восстали
За независимость страны,
И снова перед вами пали
Самодержавия сыны,
И снова знамя вольности кровавой
Явилось, победы мрачный знак,
Оно любимо было прежде славой:
Суворов был его сильнейший враг.

.....

Благодарю!

Благодарю!.. вчера мое признание
И стих мой ты без смеха приняла;
Хоть ты страстей моих не поняла,
Но за твое притворное вниманье
Благодарю!

В другом краю ты некогда пленяла,
Твой чудный взор и острота речей
Останутся навек в душе моей,
Но не хочу, чтобы ты мне сказала:
Благодарю!

Я б не желал умножить в цвете жизни
Печальную толпу твоих рабов
И от тебя услышать вместо слов
Язвительной, жестокой укоризны:
Благодарю!

О, пусть холодность мне твой взор укажет,
Пусть он убьет надежды и мечты
И все, что в сердце возродила ты;
Душа моя тебе тогда лишь скажет:
Благодарю!

Нищий

У врат обители святой
Стоял просящий подаянья
Бедняк иссохший, чуть живой
От глада, жажды и страданья.

Куска лишь хлеба он просил,
И взор являл живую муку,
И кто-то камень положил
В его протянутую руку.

Так я молил твоей любви
С слезами горькими, с тоскою;
Так чувства лучшие мои
Обмануты навек тобою!

К...

Не говори: я трус, глупец!..
О! если так меня терзало
Сей жизни мрачное начало,
Какой же должен быть конец?..

«Плачь! плачь! Израиля народ...»

Плачь! плачь! Израиля народ,
Ты потерял звезду свою;
Она вторично не взойдет...
И будет мрак в земном краю;
По крайней мере есть *один*,
Который всё с ней потерял;
Без дум, без чувств среди долин
Он тень следов ее искал!..

30 июля. – (Париж) 1830 года

Ты мог быть лучшим королем,
Ты не хотел. Ты полагал
Народ унижить под ярмом.
Но ты французов не узнал!
Есть суд земной и для царей.
Провозгласил он твой конец;
С дрожащей головы твоей
Ты в бегстве уронил венец.

И загорелся страшный бой;
И знамя вольности, как дух,
Идет пред гордою толпой.

И звук один наполнил слух;
И брызнула в Париже кровь.
О! чем заплотишь ты, тиран,
За эту праведную кровь,
За кровь людей, за кровь граждан,

Когда последняя труба
Разрежет звуком синий свод;
Когда откроются гроба
И прах свой прежний вид возьмет;
Когда появятся весы
И их подымет судия...
Не встанут у тебя власы?
Не задрожит рука твоя?..

Глупец! что будешь ты в тот день,
Коль ныне стыд уж над тобой?
Предмет насмешек ада, тень,
Призрак, обманутый судьбой!
Бессмертной раною убит,
Ты обернешь молящий взгляд,
И строй кровавый закричит:
Он виноват! он виноват!

Чума в Саратове

I

Чума явилась в наш предел;
Хоть страхом сердце стеснено,
Из миллиона мертвых тел
Мне будет дорого одно.
Его земле не отдадут,
И крест его не осенит;
И пламень, где его сожгут,
Навек мне сердце охладит.

II

Никто не прикоснется к ней,
Чтоб облегчить последний миг;
Уста, волшебницы очей,
Не приманят к себе других;
Лобзая их, я б был счастлив,
Когда б в себя яд смерти впил,
Затем что, сладость их испив...
Я деву некогда забыл.

Стансы

I

Взгляни, как мой спокоен взор,
Хотя звезда судьбы моей
Померкнула с давнишних пор
И с нею думы светлых дней.
Слеза, которая не раз
Рвалась блеснуть перед тобой,
Уж не придет, как этот час,
На смех подосланный судьбой.

II

Смеялась надо мною ты,
И я презреньем отвечал —
С тех пор сердечной пустоты
Я уж ничем не заменял.
Ничто не сблизит больше нас,
Ничто мне не отдаст покой...
Хоть в сердце шепчет чудный глас:
Я не могу любить другой.

Ш

Я жертвовал другим страстям,
Но если первые мечты
Служить не могут снова нам —
То чем же их заменишь ты?..
Чем успокоишь жизнь мою,
Когда уж обратила в прах
Мои надежды в сем краю,
А может быть, и в небесах?..

Чума (Отрывок)

79

Два человека в этот страшный год,
Когда всех занимала смерть одна,
Хранили чувство дружбы. Жизнь их, род,
Незнания хранила тишина.
Толпами гиб отчаянный народ,
Вкруг них валялись трупы — и страна
Веселья — стала гроб — и в эти дни

Без страха обнимались они!..

80

Один был юн годами и душой,
Имел блистающий и быстрый взор,
Играла кровь в щеках его порой,
В движениях и в мыслях он был скор
И мужествен с лица. Но он с тоской
И ужасом глядел на гладный мор,
Молился, плакал он и день и ночь,
Отталкивал и сон и пищу прочь!

81

Другой узнал, казалось, жизни зло;
И разорвал свои надежды сам.
Высокое и бледное чело
Являло наблюдательным очам,
Что сердце много мук перенесло
И было прежде отдано страстям.
Но, несмотря на мрачный сей удел,
И он как бы невольно жить хотел.

Безмолвствуя, на друга он взирал,
И в жилах останавливалась кровь;
Он вздрагивал, садился. Он вставал,
Ходил, бледнел и вдруг садился вновь,
Ломал в безумье руки – но молчал.
Он подавлял в груди своей любовь
И сердца беспокойный вещий глас,
Что скоро бьет неизбежный час!

И час пробил! его нежнейший друг
Стал медленно слабеть. Хоть говорить
Не мог уж юноша, его недуг
Не отнимал еще надежду жить;
Казалось, судрожным движеньем рук
Старался он кончину удалить.
Но вот утих... взор ясный поднял он,
Закрыл – хотя б один последний стон!

Как сумасшедший, руки сжав крестом,
Стоял его товарищ. Он хотел
Смеяться... и с открытым ртом
Остался – взгляд его оцепенел.
Пришли к ним люди: зацепив крючком
Холодный труп, к высокой груде тел
Они без сожаленья повлекли,
И подложили бревен, и зажгли...

«...»

Нередко люди и бранили
И мучили меня за то,
Что часто им прощал я то,
Чего б они мне не простили.

И начал рок меня томить.
Карал безвинно и за дело —
От сердца чувство отлетело,
И я не мог ему простить.

Я снова меж людей явился

С холодным, сумрачным челом;
Но взгляд, куда б ни обратился,
Встречался с радостным лицом!

Романс

В те дни, когда уж нет надежд,
А есть одно воспоминанье,
Веселье чуждо наших вежд,
И легче на груди страданье.

Отрывок

Приметив юной девы грудь,
Судьбой случайной, как-нибудь,
Иль взор, исполненный огнем,
Недвижно сердце было в нем,
Как сокол, на скале морской
Сидящий позднею порой,
Хоть недалеко и блещат
(Седой пустыни вод наряд)
Ветрила бедных челноков,
Движенье дальних облаков
Следит его прилежный глаз.
И так проходит скучный час!
Он знает: эти челноки,

Что гонят мимо ветерки,
Не для него сюда плывут,
Они блеснут, они пройдут!..

Баллада

(Из Байрона)

Берегись! берегись! над бургосским путем
Сидит один черный монах;
Он бормочет молитву во мраке ночном,
Панихиду о прошлых годах.
Когда *мавр* пришел в наш родимый дол,
Оскверняячи церкви порог,
Он без дальних слов выгнал всех чернецов;
Одного только выгнать не мог.

Для добра или зла (я слышал не один,
И не мне бы о том говорить),
Когда возвратился тех мест господин,
Он никак не хотел уходить.
Хоть никто не видал, как по замку блуждал
Монах, но зачем возражать?
Ибо слышал не раз я старинный рассказ,
Который страшусь повторять.

Рождался ли сын, он рыдал в тишине,
Когда ж прекратился сей род,
Он по звучным полам при бледной луне
Бродил и взад и вперед.

Ночь

Один я в тишине ночной;
Свеча сгоревшая трещит,
Перо в тетрадке записной
Головку женскую чертит:
Воспоминанье о былом,
Как тень, в кровавой пелене,
Спешит указывать перстом
На то, что было мило мне.

Слова, которые могли
Меня тревожить в те года,
Пылают предо мной вдали,
Хоть мной забыты навсегда.
И там скелеты прошлых лет
Стоят унылою толпой;
Меж ними есть один скелет —
Он обладал моей душой.

Как мог я не любить тот взор?
Презренья женского кинжал
Меня пронзил... но нет — с тех пор
Я все любил — я все страдал.
Сей взор невыносимый, он
Бежит за мною, как призра́к;
И я до гроба осужден
Другого не любить никак.

О! я завидую другим!
В кругу семейственном, в тиши,
Смеяться просто можно им
И веселиться от души.
Мой смех тяжел мне как свинец:
Он плод сердечной пустоты...
О боже! вот что, наконец,
Я вижу, мне готовил ты.

Возможно ль! первую любовь
Такою горечью облить;
Притворством взволновав мне кровь,
Хотеть насмешкой остудить?
Желал я на другой предмет
Излить огонь страстей своих.
Но память, слезы первых лет!
Кто устоит противу них?

К***

Когда к тебе молвы рассказ
Мое названье принесет
И моего рожденья час
Перед полмиром проклянет,
Когда мне пищей станет кровь,
И буду жить среди людей,
Ничью не радуя любовь
И злобы не боясь ничьей:

Тогда раскаянья кинжал
Пронзит тебя; и вспомнишь ты,
Что при прощаньи я сказал.
Увы! то были не мечты!
И если только наконец
Моя лишь грудь поражена,
То верно прежде знал творец,
Что ты страдать не рождена.

«Передо мной лежит листок...»

Передо мной лежит листок,
Совсем ничтожный для других,
Но в нем сковал случайно рок

Толпу надежд и дум моих.
Исписан он твоей рукой,
И я его вчера украл,
И для добычи дорогой
Готов страдать – как уж страдал!

«Свершилось! Полно ожидать...»

Свершилось! Полно ожидать
Последней встречи и прощанья!
Разлуки час и час страданья
Придут – зачем их отклонять!
Ах, я не знал, когда глядел
На чудные глаза прекрасной,
Что час прощанья, час ужасный,
Ко мне внезапно подлетел.
Свершилось! Голосом бесценным
Мне больше сердца не питать,
Запрусь в углу уединенном
И буду плакать... вспоминать!

«Итак, прощай! Впервые этот звук...»

Итак, прощай! Впервые этот звук
Тревожит так жестоко грудь мою.
Прощай! – шесть букв приносят столько мук!

Уносят все, что я теперь люблю!
Я встречу взор ее прекрасных глаз
И, может быть, как знать... в последний раз!

Черны очи

Много звезд у летней ночи,
Отчего же только две у вас,
Очи юга! черны очи!
Нашей встречи был недобрый час.

Кто ни спросит, звезды ночи
Лишь о райском счастье говорят;
В ваших звездах, черны очи,
Я нашел для сердца рай и ад.

Очи юга, черны очи,
В вас любви прочел я приговор,
Звезды дня и звезды ночи
Для меня вы стали с этих пор!

К***

Когда твой друг с пророческой тоскою
Тебе вверял толпу своих забот,
Не знала ты невинною душою,

Что смерть его позорная зовет,
Что голова, любимая тобою,
С твоей груди на плаху перейдет;

Он был рожден для мирных вдохновений,
Для славы, для надежд; но меж людей
Он не годился – и враждебный гений
Его душе не наложил цепей;
И не слышал творец его молений,
И он погиб во цвете лучших дней;

И близок час... и жизнь его потонет
В забвенье, без следа, как звук пустой;
Никто слезы прощальной не уронит,
Чтоб смыть упрек, оправданный толпой,
И лишь волна полночная простонет
Над сердцем, где хранился образ твой!

Новгород

Сыны снегов, сыны славян,
Зачем вы мужеством упали?
Зачем?.. Погибнет ваш тиран,
Как все тираны погибали!..
До наших дней при имени свободы
Трепещет ваше сердце и кипит!..

Есть бедный град, там видели народы
Все то, к чему теперь ваш дух летит.

Глупой красавице

1

Амур спросил меня однажды,
Хочу ль испить его вина —
Я не имел в то время жажды,
Но выпил кубок весь до дна.

2

Теперь желал бы я напрасно
Смочить горящие уста,
Затем что чаша влаги страстной,
Как голова твоя — пуста.

Могила бойца

(Дума)

I

Он спит последним сном давно,
Он спит последним сном,
Над ним бугор насыпан был,
Зеленый дерн кругом.

II

Седые кудри старика
Смешались с землей:
Они взвевались по плечам
За чашей пировой.

III

Они белы, как пена волн,
Биющихся у скал;

Уста, любимицы бесед,
Впервые хлад сковал.

IV

И бледны щеки мертвеца,
Как лик его врагов
Бледнел, когда являлся он
Один средь их рядов.

V

Сырой землей покрыта грудь,
Но ей не тяжело,
И червь, движенья не боясь,
Ползет через чело.

VI

На то ль он жил и меч носил,
Чтоб в час вечерней мглы
Слетались на курган его
Пустынные орлы?

VII

Хотя певец земли родной
Не раз уж пел об нем,
Но песнь — все песнь; а жизнь —
все жизнь!
Он спит последним сном.

Смерть

Закат горит огнистой полосой,
Любуюсь им безмолвно под окном,
Быть может, завтра он заблещет надо
мною,
Безжизненным, холодным мертвецом;
Одна лишь дума в сердце опустелом,
То мысль об *ней*. — О, далеко она;
И над моим недвижимым, бледным телом
Не упадет слеза ее одна.
Ни друг, ни брат прощальными устами
Не поцелуют здесь моих ланит;
И к сожаленью чуждыми руками
В сырую землю буду я зарыт.
Мой дух утонет в бездне бесконечной!..
Но ты! О, пожалей о мне, краса моя!

Никто не мог тебя любить, как я,
Так пламенно и так чистосердечно.

Русская песня

I

Клоками белый снег валится,
Что ж дева красная боится
С крыльца сойти,
Воды снести?
Как поп, когда он гроб несет,
Так песнь метелица поет,
Играет,
И у тесовых у ворот
Дворовый пес все цепь грызет
И лает...

II

Но не собаки лай печальный,
Не вой метели погребальный
Рождают страх
В ее глазах:
Недавно милый схоронен,

Бледней снегов предстанет он
И скажет:
«Ты изменила», – ей в лицо
И ей заветное кольцо
Покажет!..

«На темной скале над шумящим Днепром...»

На темной скале над шумящим Днепром
Растет деревцо молодое;
Деревцо мое ветер ни ночью, ни днем
Не может оставить в покое;
И, лист обрывая, ломает и гнет,
Но с берега в волны никак не сорвет.

Таков несчастливец, гонимый судьбой;
Хоть взяты желанья могилой,
Он должен влачить одинок под луной
Обломки сей жизни остылой;
Он должен надежды свои пережить
И с любовью в сердце бояться любить!

Песня

I

Не знаю, обманут ли был я,
Осмеян тобой или нет,
Но клянуся, что сам любил я,
И остался от этого след.
Заклинаю тебя всем небесным
И всем, что не сбудется вновь,
И счастьем мне неизвестным,
О, прости мне мою любовь.

II

Ты не веришь словам без искусства,
Но со временем эти листы
Тебе объяснят мои чувства
И то, что отвергнула ты.
И ты вздохнешь, может статься,
С слезою на ясных очах
О том, кто не будет нуждаться
Ни в печали чужой, ни в слезах.

III

И мир не увидит холодный
Ни желанье, ни грусть, ни мечты
Души молодой и свободной,
С тех пор как не видишь их ты.
Но если бы я возвратился
Ко дням позабытых тревог,
Вновь так же страдать я б решился
И любить бы иначе не мог.

Пир Асмодея

(Сатира)

У беса праздник. Скачет представляться
Чертей и душ усопших мелкий сброд,
Кухмейстеры за кушаньем трудятся,
Прозябнувши, придворный в зале ждет.
И вот за стол все по чинам садятся,
И вот лакей картофель подает,
Затем что самодержец Мефистофель
Был родом немец и любил картофель.

По правую сидел приезжий <Павел>,
По левую начальник докторов,
Великий Фауст, муж отличных правил
(Распространять сужденья дураков
Он средство нам превечное доставил).
Сидят. Вдруг настежь дверь и звук шагов;
Три демона, войдя с большим поклоном,
Кладут свои подарки перед троном.

1-й демон

(говорит)

Вот сердце женщины: она искала
От неба даже скрыть свои дела
И многим это сердце обещала
И никому его не отдала.
Она себе беды лишь не желала,
Лишь злобе до конца верна была.
Не откажись от скромного даянья,
Хоть эта вещь не стоила названья.

«C'est trop commun!»³ – воскликнул бес

³ Это слишком банально! (франц.)

державный

С презрительной улыбкою своей. —

«Подарок твой подарок был бы славный,

Но новизна царица наших дней;

И мало ли случалось недавно,

И как не быть приятных мне вестей;

Я думаю, слышали даже стены

Про эти бесконечные измены».

2-й демон

На стол твой я принес вино свободы;

Никто не мог им жажды утолить,

Его земные опились народы

И начали в куски короны бить;

Но как помочь? кто против общей моды?

И нам ли разрушение усыпить?

Прими ж напиток сей, земли властитель,

Единственный мой царь и повелитель.

Тут все цари невольно взбеленились,

С тарелками вскочили с мест своих,

Бояся, чтобы черти не напились,

Чтоб и отсюда не прогнали их.

Придворные в молчании косились,

Смекнув, что лучше прочь в подобный миг;

Но главный бес с геройскою ухваткой
На землю выплеснул напиток сладкой.

3-й демон

В Москву болезнь холеру притащили.
Врачи вступились за нее тотчас,
Они морили и они лечили
И больше уморили во сто раз.
Один из них, которому служили
Мы некогда, во время вспомнил нас
И он кого-то хлору пить заставил
И к прадедам здорового отправил.

Сказал и подает стакан фатальный
Властителю поспешною рукой.
«Так вот сосуд любезный и печальный,
Драгой залог науки докторской.
Благодарю. Хотя с полночи дальной,
Но мне милее всех подарок твой».
Так молвил Асмодей и всё смеялся,
Покуда пир вечерний продолжался.

Сон

Я видел сон: прохладный гаснул день,

От дома длинная ложилась тень,
Луна, взойдя на небе голубом,
Играла в стеклах радужным огнем;
Все было тихо, как луна и ночь,
И ветер не мог дремоты превозмочь.
И на большом крыльце меж двух колонн
Я видел деву; как последний сон
Души, на небо призванной, она
Сидела тут пленительна, грустна;
Хоть, может быть, притворная печаль
Блестела в этом взоре, но едва ль.
Ее рука так трепетна была,
И грудь ее младая так тепла;
У ног ее (ребенок, может быть)
Сидел... ах! рано начал он любить,
Во цвете лет, с привязчивой душой,
Зачем ты здесь, страдалец молодой?
И он сидел и с страхом руку жал,
И глаз ее движенья провожал.
И не прочел он в них судьбы завет,
Мучение, заботы многих лет,
Болезнь души, потоки горьких слез,
Все, что оставил, все, что перенес;
И дорожил он взглядом тех очей,
Причиною гибели своей...

На картину Рембрандта

Ты понимал, о мрачный гений,
Тот грустный безотчетный сон,
Порыв страстей и вдохновений,
Все то, чем удивил Байрон.
Я вижу лик полуоткрытый
Означен резкою чертой;
То не беглец ли знаменитый
В одежде инок святой?
Быть может, тайным преступленьем
Высокий ум его убит;
Все темно вокруг: тоской, сомненьем
Надменный взгляд его горит.
Быть может, ты писал с природы,
И этот лик не идеал!
Или в страдальческие годы
Ты сам себя изображал?
Но никогда великой тайны
Холодный не проникнет взор,
И этот труд необычайный
Бездушным будет злой укор.

К***

О, полно извинять разврат!
Ужель злодеям щит порфира?
Пусть их глупцы боготворят,
Пусть им звучит другая лира;
Но ты остановись, певец,
Златой венец не твой венец.

Изгнанием из страны родной
Хвалились повсюду как свободой;
Высокой мыслью и душой
Ты рано одарен природой;
Ты видел зло и перед злом
Ты гордым не поник челом.

Ты пел о вольности, когда
Тиран гремел, грозили казни;
Боясь лишь вечного суда
И чуждый на земле боязни,
Ты пел, и в этом есть краю
Один, кто понял песнь твою.

Прощанье

Прости, прости!
О сколько мук
Произвести
Сей может звук.
В далекий край
Уносишь ты
Мой ад, мой рай,
Мои мечты.
Твоя рука
От уст моих
Так далека,
О лишь на миг,
Прошу, приди
И оживи
В моей груди
Огонь любви.
Я здесь больной,
Один, один,
С моей тоской,
Как властелин.
Разлуку я
Переживу ль,
И ждать тебя

Назад могу ль?
Пусть я прижму
Уста к тебе
И так умру
На зло судьбе.
Что за нужда?
Прощанья час
Пускай тогда
Застанет нас!

К приятелю

Мой друг, не плачь перед разлукой
И преждевременною мукой
Младое сердце не тревожь,
Ты сам же после осмеешь
Тоску любви легковойной,
Которая закралась в грудь.
Что раз потеряно, то, верно,
Вернется к нам когда-нибудь.
Но невиновен рок бывает,
Что чувство в нас неглубоко,
Что наше сердце изменяет
Надеждам прежним так легко,
Что, получив опять предметы,
Недавно взятые судьбой,

Не узнаем мы их приметы,
Не прельщены их красотой;
И даже прежнему пристрастью
Не верим слабою душой,
И даже то относим к счастью,
Что нам казалось бедой.

Смерть

Оборвана цепь жизни молодой,
Окончен путь, бил час, пора домой,
Пора туда, где будущего нет,
Ни прошлого, ни вечности, ни лет;
Где нет ни ожиданий, ни страстей,
Ни горьких слез, ни славы, ни честей.
Где вспоминанье спит глубоким сном,
И сердце в тесном доме гробовом
Не чувствует, что червь его грызет.
Пора. Устал я от земных забот.
Ужель бездушных удовольствий шум,
Ужели пытки бесполезных дум,
Ужель самолюбивая толпа,
Которая от мудрости глупа,
Ужели дев коварная любовь
Прельстят меня перед кончиной вновь?
Ужели захочу я жить опять,

Чтобы душой по-прежнему страдать
И столько же любить? Всесильный бог,
Ты знал: я долее терпеть не мог;
Пускай меня обхватит целый ад,
Пусть буду мучиться, я рад, я рад,
Хотя бы вдвое против прошлых дней,
Но только дальше, дальше от людей.

Волны и люди

Волны катятся одна за другою
С плеском и шумом глухим;
Люди проходят ничтожной толпою
Также один за другим.
Волнам их воля и холод дороже
Знойных полудня лучей;
Люди хотят иметь души... и что же? —
Души в них волн холодней!

Звуки

Что за звуки! неподвижен, внемлю
Сладким звукам я;
Забываю вечность, небо, землю,
Самого себя.
Всемогущий! что за звуки! жадно

Сердце ловит их,
Как в пустыне путник безотрадной
Каплю вод живых!
И в душе опять они рождают
Сны веселых лет
И в одежду жизни одевают
Все, чего уж нет.
Принимают образ эти звуки,
Образ милый мне;
Мнится, слышу тихий плач разлуки,
И душа в огне.
И опять безумно упиваюсь
Ядом прежних дней,
И опять я в мыслях полагаюсь
На слова людей.

Первая любовь

В ребячестве моем тоску любви знойной
Уж стал я понимать душою беспокойной;
На мягком ложе сна не раз во тьме ночной,
При свете трепетном лампы образной,
Воображением, предчувствием томимый,
Я предавал свой ум мечте непобедимой.
Я видел женский лик, он хладен был, как лед,
И очи – этот взор в груди моей живет;

Как совесть душу он хранит от преступлений;
Он след единственный младенческих видений.
И деву чудную любил я, как любить
Не мог еще с тех пор, не стану, может быть.
Когда же улетал мой призрак драгоценный,
Я в одиночестве кидал свой взгляд смущенный
На стены желтые, и мнилось, тени с них
Сходили медленно до самых ног моих.
И мрачно, как они, воспоминанье было
О том, что лишь мечта и между тем так мило.

Поле Бородина

1

Всю ночь у пушек пролежали
Мы без палаток, без огней,
Штыки вострили да шептали
Молитву родины своей.
Шумела буря до рассвета;
Я, голову подняв с лафета,
Товарищу сказал:
«Брат, слушай песню непогоды:
Она дика, как песнь свободы».
Но, вспоминая прежни годы,

Товарищ не слышал.

2

Пробили зорю барабаны,
Восток туманный побелел,
И от врагов удар неожиданный
На батарею прилетел.
И вождь сказал перед полками:
«Ребята, не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали».
И мы погибнуть обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в бородинский бой.

3

Что Чесма, Рымник и Полтава?
Я, вспомня, леденею весь,
Там души волновала слава,
Отчаяние было здесь.
Безмолвно мы ряды сомкнули,
Гром грянул, завизжали пули,
Перекрестился я.

Мой пал товарищ, кровь лилася,
Душа от мщения тряслася,
И пуля смерти понеслася
Из моего ружья.

4

Марш, марш! пошли вперед, и боле
Уж я не помню ничего.
Шесть раз мы уступали поле
Врагу и брали у него.
Носились знамена, как тени,
Я спорил о могильной сени,
В дыму огонь блестел,
На пушки конница летала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

5

Живые с мертвыми сравнились;
И ночь холодная пришла,
И тех, которые остались,
Густою тьмою развела.

И батареи замолчали,
И барабаны застучали,
Противник отступил;
Но день достался нам дороже!
В душе сказав: помилуй боже!
На труп застывший, как на ложе,
Я голову склонил.

6

И крепко, крепко наши спали
Отчизны в роковую ночь.
Мои товарищи, вы пали!
Но этим не могли помочь.
Однако же в преданьях славы
Все громче Рымника, Полтавы
Гремит *Бородино*.
Скорей обманет глас пророчий,
Скорей небес погаснут очи,
Чем в памяти сынов полночи
Изгладится оно.

Мой дом

Мой дом везде, где есть небесный свод,
Где только слышны звуки песен,

Все, в чем есть искра жизни, в нем живет,
Но для поэта он не тесен.

До самых звезд он кровлей достигает,
И от одной стены к другой
Далекий путь, который измеряет
Жилец не взором, но душой.

Есть чувство правды в сердце человека,
Святое вечности зерно:
Пространство без границ, течение века
Объемлет в краткий миг оно.

И всемогущим мой прекрасный дом
Для чувства этого построен,
И осужден страдать я долго в нем,
И в нем лишь буду я спокоен.

Смерть

Ласкаемый цветущими мечтами,
Я тихо спал и вдруг я пробудился,
Но пробуждение тоже было сон;
И думая, что цепь обманчивых
Видений мной разрушена, я вдвое
Обманут был воображеньем, если

Одно воображение *творит*

Тот новый мир, который заставляет

Нас презирать бесчувственную землю.

Казалось мне, что смерть дыханьем хладным

Уж начинала кровь мою студить;

Не часто сердце билось, но крепко,

С болезненным каким-то содроганьем,

И тело, видя свой конец, старалось

Вновь удержать души нетерпеливой

Порывы, но товарищу былому

С досадою душа внимала, и укоры

Их расставанье сделали печальным.

Между двух жизней в страшном промежутке

Надежд и сожалений, ни об той,

Ни об другой не мыслил я, одно

Сомненье волновало грудь мою,

Последнее сомненье! Я не мог

Понять, как можно чувствовать блаженство

Иль горькие страдания далеко

От той земли, где в первый раз я понял,

Что я живу, что жизнь моя безбрежна,

Где жадно я искал самопознания,

Где столько я любил и потерял,

Любил согласно с этим бренным телом,

Без коего любви не понимал я.

Так думал я и вдруг душой забылся,

И чрез мгновенье снова жил я,
Но не видал вокруг себя предметов
Земных и более не помнил я
Ни боли, ни тяжелых беспокойств
О будущей судьбе моей и смерти:
Все было мне так ясно и понятно
И ни о чем себя не вопрошал я,
Как будто бы вернулся я туда,
Где долго жил, где все известно мне,
И лишь едва чувствительная тягость
В моем полете мне напоминала
Мое земное краткое изгнание.

Вдруг предо мной в пространстве бесконечном
С великим шумом развернулась книга
Под неизвестною рукой. И много
Написано в ней было. Но лишь мой
Ужасный жребий ясно для меня
Начертан был кровавыми словами:
Бесплотный дух, иди и возвратись
На землю. Вдруг пред мной исчезла книга,
И опустело небо голубое;
Ни ангел, ни печальный демон ада
Не рассекал крылом полей воздушных,
Лишь тусклые планеты, пробегая,
Едва кидали искру на пути.

Я вздрогнул, прочитав свой жребий.
Как? Мне лететь опять на эту землю,
Чтоб увидеть ряды тех зол, которым
Причиной были детские ошибки?
Увижу я страдания людей
И тайных мук ничтожные причины
И к счастью людей увижу средства,
И невозможно будет научить их.
Но так и быть, лечу на землю. Первый
Предмет могила с пышным мавзолеем,
Под коим труп мой люди схоронили.
И захотелось мне в гроб проникнуть,
И я сошел в темницу, длинный гроб,
Где гнил мой труп, и там остался я.
Здесь кость была уже видна, здесь мясо
Кусками синее висело, жилы там
Я примечал с засохшею в них кровью.
С отчаяньем сидел я и взирал,
Как быстро насекомые роились
И жадно поедали пищу смерти.
Червяк то выползал из впадин глаз,
То вновь скрывался в безобразный череп.
И что же? каждое его движение
Меня терзало судорожной болью.
Я должен был смотреть на гибель друга,

Так долго жившего с моей душою,
Последнего, единственного друга,
Делившего ее печаль и радость,
И я помочь желал, но тщетно, тщетно.
Уничтоженья быстрые следы
Текли по нем, и черви умножались,
И спорили за пищу остальную,
И смрадную, сырую кожу грызли.
Остались кости, и они исчезли,
И прах один лежал наместо тела.

Одной исполнен мрачною надеждой,
Я припадал на бренные остатки,
Стараясь их дыханием согреть,
Иль оживить моей бессмертной жизнью;
О сколько б отдал я тогда земных
Блаженств, чтоб хоть одну, одну минуту
Почувствовать в них теплоту. Напрасно,
Закону лишь послушные, они
Остались хладны, хладны как презренье.
Тогда изрек я дикие проклятья
На моего отца и мать, на всех людей.
С отчаяньем бессмертья долго, долго,
Жестокого свидетель разрушенья,
Я на творца роптал, страшась молиться,
И я хотел изречь хулы на небо,

Хотел сказать...

Но замер голос мой, и я *проснулся*.

Романс

Хоть бегут по струнам моим звуки веселья,

Они не от сердца бегут;

Но в сердце разбитом есть тайная келья,

Где черные мысли живут.

Слеза по щеке огневая катится,

Она не из сердца идет.

Что в сердце, обманутом жизнью, хранится,

То в нем и умрет.

Не смейте искать в сей груди сожаленья.

Питомцы надежд золотых;

Когда я свои презираю мученья, —

Что мне до страданий чужих?

Умершей девицы очей охладевших

Не должен мой взор увидеть;

Я б много припомнил минут пролетевших,

А я не люблю вспоминать!

Нам память являет ужасные тени,

Кровавый былого призрак,

Он вновь призывает к оставленной сени,

Как в бурю над морем маяк,

Когда ураган по волнам веселится,

Смеется над бедным челном,
И с криком пловец без надежд воротиться
Жалеет о крае родном.

1831

1831-го января

Рedeют бледные туманы
Над бездной смерти роковой,
И вновь стоят передо мной
Веков протекших великаны.
Они зовут, они манят,
Поют, и я пою за ними
И, полный чувствами живыми,
Страшуся поглядеть назад, —

Чтоб бытия земного звуки
Не замешались в песнь мою,
Чтоб лучшей жизни на краю
Не вспомнил я людей и муки,
Чтоб я не вспомнил этот свет,
Где носит все печать проклятья,
Где полны ядом все объятья,
Где счастья без обмана нет.

«Послушай! вспомни обо мне...»

Послушай! вспомни обо мне,
Когда, законом осужденный,
В чужой я буду стороне —
Изгнанник мрачный и презренный.

И будешь ты когда-нибудь
Один, в бессонный час полночи,
Сидеть с свечой... и тайно грудь
Вздохнет — и вдруг заплачут очи;

И молвишь ты: когда-то он
Здесь, в это самое мгновенье,
Сидел тоскою удручен
И ждал судьбы своей решение!

Стансы

Мне любить до могилы творцом суждено!
Но по воле того же творца
Все, что любит меня, то погибнуть должно
Иль, как я же, страдать до конца.
Моя воля надеждам противна моим,
Я люблю и страшусь быть взаимно любим.

На пустынной скале незабудка весной
Одна без подруг расцвела,
И ударила буря и дождь проливной,
И, как прежде, недвижна скала;
Но красивый цветок уж на ней не блестит,
Он ветром надломлен и градом убит.

Так точно и я под ударом судьбы,
Как утес, неподвижен стою,
Но не мысли никто перенести сей борьбы,
Если руку пожмет он мою;
Я не чувств, но поступков своих властелин,
Я несчастлив пусть буду – несчастлив один.

Солнце осени

Люблю я солнце осени, когда,
Меж тучек и туманов пробираясь,
Оно кидает бледный, мертвый луч
На дерево, колеблемое ветром,
И на сырую степь. Люблю я солнце,
Есть что-то схожее в прощальном взгляде
Великого светила с тайной грустью
Обманутой любви; не холодней
Оно само собою, но природа

И все, что может чувствовать и видеть,
Не могут быть согреты им; так точно
И сердце: в нем все жив огонь, но люди
Его понять однажды не умели,
И он в глазах блеснуть не должен вновь
И до ланит он вечно не коснется.
Зачем вторично сердцу подвергать
Себя насмешкам и словам сомненья?

Поток

Источник страсти есть во мне
Великий и чудесный;
Песок серебряный на дне,
Поверхность – лик небесный;
Но беспрестанно быстрый ток
Воротит и крутит песок,
И небо над водами
Одето облаками.

Родится с жизнью этот ключ
И с жизнью исчезает;
В ином он слаб, в другом могуч,
Но всех он увлекает;
И первый счастлив, но такой
Я праздный отдал бы покой

За несколько мгновений
Блаженства иль мучений.

К***

Не ты, но судьба виновата была,
Что скоро ты мне изменила,
Она тебе прелести женщин дала,
Но женское сердце вложила.

Как в море широком следы челнока,
Мгновенье его впечатленья,
Любовь для него, как веселье, легка,
А горе не стоит мгновенья.

Но в час свой урочный узнает оно
Цепей неизбежное бремя.
Прости, нам расстаться теперь суждено,
Расстаться до этого время.

Тогда я опять появлюсь пред тобой,
И речь моя ум твой встревожит,
И пусть я услышу ответ роковой,
Тогда ничего не поможет.

Нет, нет! милый голос и пламенный взор

Тогда своей власти лишатся;
Вослед за тобой побежит мой укор
И в душу он будет впиваться.

И мщенье, напомнив, что я перенес,
Уста мои к смеху принудит,
Хоть эта улыбка всех, всех твоих слез
Гораздо мучительней будет.

Ночь

В чугу́н печальный сторож бьет,
Один я внемлю. Глухо лают
Вдали собаки. Мрачен свод
Небес, и тучи пробегают
Одна безмолвно за другой,
Сливаясь под ночную мглой.
Колблет ветер влажный, душный
Верхи дерев, и с воем он
Стучит в оконницы. Мне скучно,
Мне тяжело бденье, страшен сон;
Я не хочу, чтоб сновиденье
Являло мне ее черты;
Нет, я не раб моей мечты,
Я в силах перенести мученье
Глубоких дум, сердечных ран,

Все, – только не ее обман.
Я не скажу «прости» надежде,
Молве не верю; если прежде
Она могла меня любить,
То ей ли можно изменить?
Но отчего же? Разве нету
Примеров, первый ли урок
Во мне теперь дается свету?
Как я забыт, как одинок.
<Шуми>, шуми же, ветер ночи,
Играй свободно в небесах
И освежи мне грудь и очи.
В груди огонь, слеза в очах,
Давно без пищи этот пламень,
И слезы падают на камень.

К себе

Как я хотел себя уверить,
Что не люблю ее, хотел
Неизмеримое измерить,
Любви безбрежной дать предел.

Мгновенное пренебрежение
Ее могущества опять
Мне доказало, что влечение

Души нельзя нам побеждать;

Что цепь моя несокрушима,

Что мой теперешний покой

Лишь глас залетный херувима

Над сонной демонов толпой.

**«Душа моя должна прожить
в земной неволе...»**

Душа моя должна прожить в земной неволе

Недолго. Может быть, я не увижу боле

Твой взор, твой милый взор, столь нежный
для других,

Звезду приветную соперников моих;

Желаю счастья им. Тебя винить безбожно

За то, что мне нельзя все, все, что им возможно;

Но если ты ко мне любовь хотела скрыть,

Казаться хладною и в тишине любить,

Но если ты при мне смеялась надо мною,

Тогда как внутренне полна была тоскою,

То мрачный мой тебе пускай покажет взгляд,

Кто более страдал, кто боле виноват!

Песня

Колокол стонет,
Девушка плачет,
И слезы по четкам бегут.
Насильно,
Насильно
От мира в обители скрыта она,
Где жизнь без надежды и ночи без сна.

Так мое сердце
Грудь беспокоит
И бьется, бьется, бьется.
Велела,
Велела
Судьба мне любовь от него оторвать
И деву забыть, хоть тому не бывать.

Смерть и бессмертье,
Жизнь и погибель
И деве и сердцу ничто;
У сердца
И девы
Одно лишь страданье, один лишь
предмет:

Ему счастья надо, ей надобен свет.

«Пускай поэта обвиняет...»

Пускай поэта обвиняет
Насмешливый, безумный свет,
Никто ему не помешает,
Он не услышит мой ответ.
Я сам собою жил доныне,
Свободно мчится песнь моя,
Как птица дикая в пустыне,
Как вдаль по озеру ладья.
И что за дело мне до света,
Когда сидишь ты предо мной,
Когда рука моя согрета
Твоей волшебною рукой;
Когда с тобой, о дева рая,
Я провожу небесный час,
Не беспокоясь, не страдая,
Не отворачивая глаз.

Слава

К чему ищу так славы я?
Известно, в славе нет блаженства,
Но хочет все душа моя

Во всем дойти до совершенства.
Пронзая будущего мрак,
Она, бессильная, страдает
И в настоящем все не так,
Как бы хотелось ей, встречает.
Я не страшился бы суда,
Когда б уверен был веками,
Что вдохновенного труда
Мир не обидит клеветами;
Что станут верить и внимать
Повествованью горькой муки
И не осмелятся равнять
С земным небес живые звуки.
Но не достигну я ни в чем
Того, что так меня тревожит:
Все кратко на шару земном,
И вечно слава жить не может.
Пусть поэт грустный прах
Хвалою освятит потомство,
Где ж слава в кратких похвалах?
Людей известно вероломство.
Другой заставит позабыть
Своею песнию высокой
Певца, который кончил жить,
Который жил так одиноко.

Вечер

Когда садится алый день
За синий край земли,
Когда туман встает и тень
Скрывает все вдали, —
Тогда я мыслю в тишине
Про вечность и любовь,
И чей-то голос шепчет мне:
Не будешь счастлив вновь.
И я гляжу на небеса
С покорною душой,
Они свершали чудеса,
Но не для нас с тобой,
Не для ничтожного глупца,
Которому твой взгляд
Дороже будет до конца
Небесных всех наград.

«УНЫЛЫЙ КОЛОКОЛА ЗВОН...»

Унылый колокола звон
В вечерний час мой слух невольно потрясает,
Обманутой душе моей напоминает
И вечность и надежду он.

И если ветер, путник одинокой,
Вдруг по траве кладбища пробежит,
Он сердца моего не холодит:
Что в нем живет, то в нем глубоко.
Я чувствую – судьба не умертвит
Во мне возросший деятельный гений;
Но что его на свете сохранит
От хитрой клеветы, от скучных наслаждений,
От истощительных страстей,
От языка ласкателей развратных
И от желаний, непонятных
Умам посредственных людей?
Без пищи должен яркий пламень
Погаснуть на скале сырой:
Холодный слушатель есть камень,
Попробуй раз, попробуй и открой
Ему источники сердечного блаженства,
Он станет толковать, что должно ощутить;
В простом не видя совершенства,
Он не привык прекрасное ценить,
Как тот, кто в грудь втеснить желал бы всю
природу,
Кто силится купить страданием своим
И гордою победой над земным
Божественной души безбрежную свободу.

«Хоть давно изменила мне...»

Хоть давно изменила мне радость,
Как любовь, как улыбка людей,
И померкнуло прежде, чем младость,
Светило надежды моей;
Но судьбу я и мир презираю,
Но нельзя им унижить меня,
И я хладно приход ожидаю
Кончины иль лучшего дня.
Словам моим верить не станут,
Но клянуся в нелживости их:
Кто сам был так часто обманут,
Обмануть не захочет других.
Пусть жизнь моя в бурях несется,
Я беспечен, я знаю давно,
Пока сердце в груди моей бьется,
Не увидит блаженства оно.
Одна лишь сырая могила
Успокоит того, может быть,
Чья душа слишком пылко любила,
Чтобы мог его мир полюбить.

Звуки и взор

О, полно ударять рукой
По струнам арфы золотой.
Смотри, как сердце воли просит,
Слеза катится из очей;
Мне каждый звук опять приносит
Печали пролетевших дней.

Нет, лучше с трепетом любви
Свой взор на мне останови,
Чтоб роковое вспоминанье
Я в настоящем утопил
И все свое существованье
В единый миг переселил.

Земля и небо

Как землю нам больше небес не любить?
Нам небесное счастье темно;
Хоть счастье земное и меньше в сто раз,
Но мы знаем, какое оно.

О надеждах и муках былых вспоминать
В нас тайная склонность кипит;

Нас тревожит неверность надежды земной,
А краткость печали смешит.

Страшна в настоящем бывает душе
Грядущего темная даль;
Мы блаженство желали б вкусить в небесах,
Но с миром расстаться нам жаль.

Что во власти у нас, то приятнее нам,
Хоть мы ищем другого порой,
Но в час расставанья мы видим ясней,
Как оно породнилось с душой.

К***

Дай руку мне, склонись к груди поэта,
Свою судьбу соедини с моей:
Как ты, мой друг, я не рожден для света
И не умею жить среди людей;
Я не имел ни время, ни охоты
Делить их шум, их мелкие заботы,
Любовь мое все сердце заняла,
И что ж, взгляни на бледный цвет чела.

На нем ты видишь след страстей уснувших,
Так рано обуявших жизнь мою;

Не льстит мне вспоминанье дней минувших,
Я одинок над пропастью стою,
Где все мое подавлено судьбою;
Так куст растет над бездною морскою,
И лист, грозой оборванный, плывет
По произволу странствующих вод.

Из Андрея Шенье

За дело общее, быть может, я паду,
Иль жизнь в изгнании бесплодно проведу;
Быть может, клеветой лукавой пораженный,
Пред миром и тобой врагами униженный,
Я не снесу стыдом сплетаемый венец
И сам себе сыщу безвременный конец;
Но ты не обвиняй страдальца молодого,
Молю, не говори насмешливого слова.
Ужасный жребий мой твоих достоин слез,
Я много сделал зла, но больше перенес.
Пускай виновен я пред гордыми врагами,
Пускай отмстят; в душе, клянуся небесами,
Я не злодей, о нет, судьба губитель мой;
Я грудью шел вперед, я жертвовал собой;
Наскучив суетой обманчивого света,
Торжественно не мог я не сдержать обета;
Хоть много причинил я обществу вреда,

Но верен был тебе всегда, мой друг, всегда;
В уединении, среди толпы мятежной,
Я все тебя любил и все любил так нежно.

К***

Не медли в дальней стороне,
Молю, мой друг, спеши сюда.
Ты взгляд мгновенный кинешь мне,
А там простимся навсегда.

И я, поймавши этот взор
И речь последнюю твою,
Хотя б она была укор,
Их вместе в сердце схороню.

И в день печали роковой
Твой взор, умеющий язвить,
Воображу перед собой
И стану речь твою твердить.

И вновь мечтанье сблизит нас,
И вспомню, вспомню я тогда,
Как встретились мы в первый раз
И как расстались навсегда.

Сосед

Погаснул день на вышинах небесных.
Звезда вечерняя лиет свой тихий свет;
Чем занят бедный мой сосед?
Через садик небольшой, между ветвей
древесных,
Могу заметить я, в его окне
Блестит огонь; его простая келья
Чужда забот и светского веселья,
И этим нравится он мне.
Прохожие об нем различно судят,
И все его готовы порицать,
Но их слова соседа не принудят
Лампаду ранее иль позже зажигать.
И только я увижу свет лампы,
Сажусь тотчас у своего окна,
И в этот миг таинственной отрады
Душа моя мятежная полна.
И мнится мне, что мы друг друга понимаем,
Что я и бедный мой сосед,
Под бременем одним страдая, увядаем,
Что мы знакомы с давних лет.

Стансы

Не могу на родине томиться,
Прочь отсель, туда, в кровавый бой.
Там, быть может, перестанет биться
Это сердце, полное тобой.

Нет, я не прошу твоей любви,
Нет, не знай губительных страстей;
Видеть смерть мне надо, надо крови,
Чтоб залить огонь в груди моей.

Пусть паду как ратник в бранном поле.
Не оплакан светом буду я,
Никому не будет в тягость боле
Буря чувств моих и жизнь моя.

Юных лет святыя обещанья
Прекратит судьба на месте том,
Где без дум, без вопля, без роптанья
Я усну давно желанным сном.

Так, но если я не позабуду
В этом сне любви печальный сон,
Если образ твой всегда повсюду

Я носить с собою осужден;

Если там в пределах отдаленных,
Где душа должна блаженство пить,
Тяжких язв, на ней напечатленных,
Невозможно будет излечить;

О, взгляни приветно в час разлуки
На того, кто с гордою душой
Не боится ни людей, ни муки,
Кто умрет за честь страны родной;

Кто, бывало, в тайном упоенье,
На тебя вперив свой влажный взгляд,
Возбуждал людское сожаленье
И твоей улыбке был так рад.

Мой демон

1

Собрание зол его стихия;
Носясь меж темных облаков,
Он любит бури роковые
И пену рек и шум дубров;

Он любит пасмурные ночи,
Туманы, бледную луну,
Улыбки горькие и очи,
Безвестные слезам и сну.

2

К ничтожным, хладным толкам света
Привык прислушиваться он,
Ему смешны слова привета
И всякий верящий смешон;
Он чужд любви и сожаленья,
Живет он пищею земной,
Глотает жадно дым сраженья
И пар от крови пролитой.

3

Родится ли страдалец новый,
Он беспокоит дух отца,
Он тут с насмешкою суровой
И с дикой важностью лица;
Когда же кто-нибудь нисходит
В могилу с трепетной душой,
Он час последний с ним проводит,

Но не утешен им больной.

4

И гордый демон не отстанет,
Пока живу я, от меня,
И ум мой озарять он станет
Лучом чудесного огня;
Покажет образ совершенства
И вдруг отнимет навсегда
И, дав предчувствия блаженства,
Не даст мне счастья никогда.

1831-го июня 11 дня

1

Моя душа, я помню, с детских лет
Чудесного искала. Я любил
Все обольщенья света, но не свет,
В котором я минутами лишь жил;
И те мгновенья были мук полны,
И населял таинственные сны
Я этими мгновеньями. Но сон,
Как мир, не мог быть ими омрачен.

2

Как часто силой мысли в краткий час
Я жил века и жизнью иной,
И о земле позабывал. Не раз,
Встревоженный печальною мечтой,
Я плакал; но все образы мои,
Предметы мнимой злобы иль любви,
Не походили на существ земных.
О нет! все было ад иль небо в них.

3

Холодной буквой трудно объяснить
Боренье дум. Нет звуков у людей
Довольно сильных, чтоб изобразить
Желание блаженства. Пыл страстей
Возвышенных я чувствую, но слов
Не нахожу и в этот миг готов
Пожертвовать собой, чтоб как-нибудь
Хоть тень их перелить в другую грудь.

4

Известность, слава, что они? – а есть
У них над мною власть; и мне они
Велят себе на жертву все принести,
И я влачу мучительные дни
Без цели, оклеветан, одинок;
Но верю им! – неведомый пророк
Мне обещал бессмертье, и, живой,
Я смерти отдал все, что дар земной.

5

Но для небесного могилы нет.
Когда я буду прах, мои мечты,
Хоть не поймет их, удивленный свет
Благословит; и ты, мой ангел, ты
Со мною не умрешь: моя любовь
Тебя отдаст бессмертной жизни вновь;
С моим названьем станут повторять
Твое: на что им мертвых разлучать?

6

К погибшим люди справедливы; сын
Боготворит, что проклинал отец.
Чтоб в этом убедиться, до седин
Дожить не нужно. Есть всему конец;
Немного долголетней человек
Цветка; в сравненье с вечностью их век
Равно ничтожен. Пережить одна
Душа лишь колыбель свою должна.

7

Так и ее созданья. Иногда,
На берегу реки, один, забыт,
Я наблюдал, как быстрая вода
Синея, гнется в волны, как шипит
Над ними пена белой полосой;
И я глядел, и мыслию иной
Я не был занят, и пустынный шум
Рассеивал толпу глубоких дум.

8

Тут был я счастлив... О, когда б я мог
Забыть, что незабвенно! женский взор!
Причину стольких слез, безумств, тревог!
Другой владеет ею с давних пор,
И я другую с нежностью люблю,
Хочу любить, – и небеса молю
О новых муках; но в груди моей
Все жив печальный призрак прежних дней.

9

Никто не дорожит мной на земле,
И сам себе я в тягость, как другим;
Тоска блуждает на моем челе.
Я холоден и горд; и даже злым
Толпе кажуся; но ужель она
Проникнуть дерзко в сердце мне должна?
Зачем ей знать, что в нем заключено?
Огонь иль сумрак там – ей все равно.

10

Темна проходит туча в небесах,
И в ней таится пламень роковой;
Он, вырываясь, обращает в прах
Все, что ни встретит. С дивной быстротой
Блеснет, и снова в облаке укрят;
И кто его источник объяснит,
И кто заглянет в недра облаков?
Зачем? они исчезнут без следов.

11

Грядущее тревожит грудь мою.
Как жизнь я кончу, где душа моя
Блуждать осуждена, в каком краю
Любезные предметы встречу я?
Но кто меня любил, кто голос мой
Услышит и узнает? И с тоской
Я вижу, что любить, как я, — порок,
И вижу, я слабей любить не мог.

12

Не верят в мире многие любви
И тем счастливы; для иных она
Желанье, порожденное в крови,
Расстройство мозга иль виденье сна.
Я не могу любовь определить,
Но это страсть сильнейшая! – любить
Необходимость мне; и я любил
Всем напряжением душевных сил.

13

И отучить не мог меня обман;
Пустое сердце ныло без страстей,
И в глубине моих сердечных ран
Жила любовь, богиня юных дней;
Так в трещине развалин иногда
Береза вырастает молода
И зелена, и взоры веселит,
И украшает сумрачный гранит.

14

И о судьбе ее чужой пришлец
Жалеет. Беззащитно предана
Порыву бурь и зною, наконец
Увянет преждевременно она;
Но с корнем не исторгнет никогда
Мою березу вихрь: она тверда;
Так лишь в разбитом сердце может страсть
Иметь неограниченную власть.

15

Под ношей бытия не устает
И не хладеет гордая душа;
Судьба ее так скоро не убьет,
А лишь взбунтует; мщением дыша
Против непобедимой, много зла
Она свершить готова, хоть могла
Составить счастье тысячи людей:
С такой душой ты бог или злодей...

16

Как нравились всегда пустыни мне.
Люблю я ветер меж нагих холмов,
И коршуна в небесной вышине,
И на равнине тени облаков.
Ярма не знает резвый здесь табун,
И кровожадный тешится летун
Под синевой, и облако степей
Свободней как-то мчится и светлей.

17

И мысль о вечности, как великан,
Ум человека поражает вдруг,
Когда степей безбрежный океан
Синеет пред глазами; каждый звук
Гармонии вселенной, каждый час
Страданья или радости для нас
Становится понятен, и себе
Отчет мы можем дать в своей судьбе.

18

Кто посещал вершины диких гор
В тот свежий час, когда садится день,
На западе светило видит взор
И на востоке близкой ночи тень,
Внизу туман, уступы и кусты,
Кругом все горы чудной высоты,
Как после бури облака, стоят,
И странные верхи в лучах горят.

19

И сердце полно, полно прежних лет,
И сильно бьется; пылкая мечта
Приводит в жизнь минувшего скелет,
И в нем почти все та же красота.
Так любим мы глядеть на свой портрет,
Хоть с нами в нем уж сходства больше нет,
Хоть на холсте хранится блеск очей,
Погаснувших от время и страстей.

20

Что на земле прекрасней пирамид
Природы, этих гордых снежных гор?
Не переменит их надменный вид
Ничто: ни слава царств, ни их позор;
О ребра их дробятся темных туч
Толпы, и молний обвивает луч
Вершины скал; ничто не вредно им.
Кто близ небес, тот не сражен земным.

21

Печален степи вид, где без препон,
Волнуя лишь серебряный ковыль,
Скитается летучий аквилон
И пред собой свободно гонит пыль;
И где кругом, как зорко ни смотри,
Встречает взгляд березы две иль три,
Которые под синеватой мглой
Чернеют вечером в дали пустой.

22

Так жизнь скучна, когда боренья нет.
В минувшее проникнув, различить
В ней мало дел мы можем, в цвете лет
Она души не будет веселить.
Мне нужно действовать, я каждый день
Бессмертным сделать бы желал, как тень
Великого героя, и понять
Я не могу, что значит отдыхать.

23

Всегда кипит и зреет что-нибудь
В моем уме. Желанье и тоска
Тревожат беспрестанно эту грудь.
Но что ж? Мне жизнь все как-то коротка
И все боюсь, что не успею я
Свершить чего-то! Жажда бытия
Во мне сильнее страданий роковых,
Хотя я презираю жизнь других.

24

Есть время – леденеет быстрый ум;
Есть сумерки души, когда предмет
Желаний мрачен: усыпление дум;
Меж радостью и горем полусвет;
Душа сама собою стеснена,
Жизнь ненавистна, но и смерть страшна,
Находишь корень мук в себе самом,
И небо обвинить нельзя ни в чем.

25

Я к состоянью этому привык,
Но ясно выразить его б не мог
Ни ангельский, ни демонский язык:
Они таких не ведают тревог,
В одном все чисто, а в другом все зло.
Лишь в человеке встретиться могло
Священное с порочным. Все его
Мученья происходят оттого.

26

Никто не получал, чего хотел
И что любил, и если даже тот,
Кому счастливый небом дан удел,
В уме своем минувшее пройдет,
Увидит он, что мог счастливей быть,
Когда бы не умела отравить
Судьба его надежды. Но волна
Ко берегу возвратиться не сильна.

27

Когда, гонима бурей роковой,
Шипит и мчится с пеною своей,
Она все помнит тот залив родной,
Где пенилась в приютах камышей,
И, может быть, она опять придет
В другой залив, но там уж не найдет
Себе покоя: кто в морях блуждал,
Тот не заснет в тени прибрежных скал.

28

Я предузнал мой жребий, мой конец,
И грусти ранняя на мне печать;
И как я мучусь, знает лишь творец;
Но равнодушный мир не должен знать.
И не забыт умру я. Смерть моя
Ужасна будет; чуждые края
Ей удивятся, а в родной стране
Все проклянут и память обо мне.

29

Все. Нет, не все: созданье есть одно,
Способное любить – хоть не меня;
До этих пор не верит мне оно,
Однако сердце, полное огня,
Не увлечется мнением, и мое
Пророчество припомнит ум ее,
И взор, теперь веселый и живой,
Напрасной отуманится слезой.

30

Кровавая меня могила ждет,
Могила без молитв и без креста,
На диком берегу ревущих вод
И под туманным небом; пустота
Кругом. Лишь чужестранец молодой,
Невольным сожаленьем, и молвой,
И любопытством приведен сюда,
Сидеть на камне станет иногда.

31

И скажет: отчего не понял свет
Великого, и как он не нашел
Себе друзей, и как любви привет
К нему надежду снова не привел?
Он был ее достоин. И печаль
Его встревожит, он посмотрит вдаль,
Увидит облака с лазурью волн,
И белый парус, и бегучий челн.

И мой курган! – любимые мечты
Мои подобны этим. Сладость есть
Во всем, что не сбылось, – есть красоты
В таких картинах; только перенести
Их на бумагу трудно: мысль сильна,
Когда размером слов не стеснена,
Когда свободна, как игра детей,
Как арфы звук в молчании ночей!

Романс к И...

Когда я унесу в чужбину
Под небо южной стороны
Мою жестокую кручину,
Мои обманчивые сны,
И люди с злобой ядовитой
Осудят жизнь мою порой,
Ты будешь ли моей защитой
Перед бесчувственной толпой?

О, будь!.. о! вспомни нашу младость,
Злословья жертву пощади,
Клянися в том! чтоб вовсе радость

Не умерла в моей груди,
Чтоб я сказал в земле изгнания:
Есть сердце, лучших дней залог,
Где почтены мои страдания,
Где мир их очернить не мог!..

Завещание

1

Есть место: близ тропы глухой,
В лесу пустынном средь поляны,
Где выются вечером туманы,
Осеребренные луной...
Мой друг! ты знаешь ту поляну;
Там труп мой хладный ты зарой,
Когда дышать я перестану!

2

Могиле той не откажи
Ни в чем, следуя закону;
Поставь над нею крест из клену
И дикий камень положи;
Когда гроза тот лес встревожит,

Мой крест пришельца привлечет;
И добрый человек, быть может,
На диком камне отдохнет.

«Сижу я в комнате старинной...»

Сижу я в комнате старинной
Один с товарищем моим,
Фонарь горит, и тенью длинной
Пол омрачен. Как легкий дым,
Туман окрестность одевает,
И хладный ветер по листьям
Высоких лип перебегает.
Я у окна. Опасно нам
Заснуть. — А как узнать? быть может,
Приход неожиданный нас встревожит!
Готов мой верный пистолет,
В стволе свинец, на полке порох.
У двери слушаю... чу! — шорох,
В развалинах... и крик! — но нет!
Томышь летучая промчалась!
То птица ночи испугалась!
На темной синеве небес
Луна меж тучками ныряет.
Спокоен я. Душа пылает
Отвагой: ни мертвец, ни бес,

Ничто меня не испугает.
Ничто... волшебный талисман
Я на груди ношу с тоскою;
Хоть не твоей любовью дан,
Он освящен *твоей* рукою!

К***

Всевышний произнес свой приговор,
Его ничто не переменит;
Меж нами руку мести он простер,
И беспристрастно все оценит.
Он знает, и ему лишь можно знать,
Как нежно, пламенно любил я,
Как безответно все, что мог отдать,
Тебе на жертву приносил я.
Во зло употребила ты права,
Приобретенные над мною,
И, мне польстив любовью сперва,
Ты изменила – бог с тобою!
О нет! я б не решился проклянуть!
Всё для меня в тебе святое:
Волшебные глаза, и эта грудь,
Где бьется сердце молодое.
Я помню, сорвал я обманом раз
Цветок, хранивший яд страданья, —

С невинных уст твоих в прощальный час
Непринужденное лобзание;
Я знал: то не любовь — и перенес;
Но отгадать не мог я тоже,
Что всех моих надежд, и мук, и слез
Веселый миг тебе дороже!
Будь счастлива несчастьем моим
И, услышав, что я страдаю,
Ты не томись раскаяньем пустым,
Прости! — вот все, что я желаю...
Чем заслужил я, чтоб твоих очей
Затмился свежий блеск слезами?
Ко смеху приучать себя нужней:
Ведь жизнь смеется же над нами!

Желание

Зачем я не птица, не ворон степной,
Пролетевший сейчас надо мной?
Зачем не могу в небесах я парить
И одну лишь свободу любить?

На запад, на запад помчался бы я,
Где цветут моих предков поля,
Где в замке пустом, на туманных горах,
Их забвенный покоится прах.

На древней стене их наследственный щит
И заржавленный меч их висит.
Я стал бы летать над мечом и щитом,
И смахнул бы я пыль с них крылом;

И арфы шотландской струну бы задел,
И по сводам бы звук полетел;
Внимаем одним, и одним пробужден,
Как раздался, так смолкнул бы он.

Но тщетны мечты, бесполезны мольбы
Против строгих законов судьбы.
Меж мной и холмами отчизны моей
Расстилаются волны морей.

Последний потомок отважных бойцов
Увядает среди чуждых снегов;
Я здесь был рожден, но нездешний душой...
О! зачем я не ворон степной?..

К деве небесной

Когда бы встретил я в раю
На третьем небе образ твой,
Он душу бы пленил мою

Своей небесной красотой;
И я б в тот миг (не утаю)
Забыл о радости земной.

Спокоен твой лазурный взор,
Как воспоминание об нем;
Как дальный отзыв дальных гор,
Твой голос нравится во всем;
И твой привет и твой укор,
Все полно, дышит божеством.

Не для земли ты создана,
И я могу ль тебя любить?
Другая женщина должна
Надежды юноши манить;
Ты превосходней, чем она,
Но так мила не можешь быть!

Св. Елена

Почтим приветом остров одинокой,
Где часто, в думу погружен,
На берегу о Франции далекой
Вспоминал Наполеон!
Сын моря, средь морей твоя могила!
Вот мщенье за муки стольких дней!

Порочная страна не заслужила,
Чтобы великий жизнь окончил в ней.

Изгнанник мрачный, жертва вероломства
И рока прихоти слепой,
Погиб, как жил – без предков и потомства —
Хоть побежденный, но герой!
Родился он игрой судьбы случайной,
И пролетел, как буря, мимо нас;
Он миру чужд был. Все в нем было тайной,
День возвышенья – и паденья час!

К другу В.Ш

«До лучших дней!» – перед прощаньем,
Пожав мне руку, ты сказал;
И долго эти дни я ждал,
Но был обманут ожиданьем!..

Мой милый! не придут они,
В грядущем счастья так мало!..
Я помню радостные дни,
Но все, что помню, то пропало.

Былое бесполезно нам.
Таков маяк, порой ночью

Над бурной бездною морскую
Манящий к верным берегам,

Когда на лодке, одинокий,
Несется трепетный пловец
И видит – берег недалекий
И ближе видит свой конец.

Нет! обольстить мечтой напрасной
Больное сердце мудрено;
Едва нисходит сон прекрасный,
Уж просыпается оно!

«Блистая, пробегают облака...»

Блистая, пробегают облака
По голубому небу. Холм крутой
Осенним солнцем озарен. Река
Бежит вниз по камням с быстротой.
И на холме пришелец молодой,
Завернут в плащ, недвижимо сидит
Под старою березой. Он молчит,
Но грудь его подымается порой;
Но бледный лик меняет часто цвет;
Чего он ищет здесь? – спокойствия? – о нет!

Он смотрит вдаль: тут лес пестреет, там
Поля и степи, там встречает взгляд
Опять дубраву или по кустам
Рассеянные сосны. Мир как сад,
Цветет – надев могильный свой наряд:
Поблекнувшие листья; жалок мир!
В нем каждый средь толпы забыт и сир;
И люди все к ничтожеству спешат, —
Но, хоть природа презирает их,
Любимцы есть у ней, как у царей других.

И тот, на ком лежит ее печать,
Пускай не ропщет на судьбу свою,
Чтобы никто, никто не смел сказать,
Что у груди своей она змею
Согрела. «О! когда б одно люблю
Из уст прекрасной мог подслушать я,
Тогда бы люди, даже жизнь моя
В однообразном северном краю,
Все б в новый блеск оделось!» — Так мечтал
Беспечный... но просить он неба не желал!

Атаман

1

Горе тебе, город Казань,
Едет толпа удалцов
Собирать невольную дань
С твоих беззаботных купцов.
Вдоль по Волге широкой
На лодке плывут;
И веслами дружными плещут,
И песни поют.

2

Горе тебе, русская земля,
Атаман между ними сидит;
Хоть его лихая семья,
Как волны, шумна, – он молчит;
И краса молодая,
Как саван бледна,
Перед ним стоит на коленях.
И молвит она:

3

«Горе мне, бедной девице!
Чем виновна я пред тобой,
Ты поверил злой клеветнице;
Любим мною не был другой.
Мне жребий неволи
Судьбинушкой дан;
Не губи, не губи мою душу,
Лихой атаман».

4

«Горе девице лукавой, —
Атаман ей, нахмурясь, в ответ, —
У меня оправдается правый,
Но пощады виновному нет;
От глаз моих трудно
Проступок укрыть,
Все знаю!.. и вновь не могу я,
Девица, любить!..

5

Но лекарство чудесное есть
У меня для сердечных ран...
Прости же! – лекарство то: месть!
На что же я здесь атаман?
И заплачу ль, как плачет
Любовник другой?..
И смягчишь ли меня ты, девица,
Своею слезой?»

6

Горе тебе, гроза-атаман,
Ты свой произнес приговор.
Средь пожаров ограбленных стран
Ты забудешь ли пламенный взор!..
Остался ль ты хладен
И тверд, как в бою,
Когда бросили в пенные волны
Красотку твою?

Горе тебе, удалой!
Как совесть совсем удалить?..
Отныне он чистой водой
Боится руки умыть.
Умывать он их любит
С дружиной своей
Слезами вдовиц беззащитных
И кровью детей!

Исповедь

Я верю, обещаю верить,
Хоть сам того не испытал,
Что мог монах не лицемерить
И жить, как клятвой обещал;
Что поцелуи и улыбки
Людей коварны не всегда,
Что ближних малые ошибки
Они прощают иногда,
Что время лечит от страданья,
Что мир для счастья сотворен,
Что добродетель не название
И жизнь поболее, чем сон!..

Но вере теплой опыт хладный
Противуречит каждый миг,
И ум, как прежде безотрадный,
Желанной цели не достиг;
И сердце, полно сожалений,
Хранит в себе глубокий след
Умерших – но святых видений,
И тени чувств, каких уж нет;
Его ничто не испугает,
И то, что было б яд другим,
Его живет, его питает
Огнем язвительным своим.

Надежда

Есть птичка рая у меня,
На кипарисе молодом
Она сидит во время дня,
Но петь никак не станет днем;
Лазурь небес – ее спина,
Головка пурпур, на крылах
Пыль золотистая видна, —
Как отблеск утра в облаках.
И только что земля уснет,
Одета мглой в ночной тиши,

Она на ветке уж поет
Так сладко, сладко для души,
Что поневоле тягость мук
Забудешь, внемля песни той,
И сердцу каждый тихий звук
Как гость приятен дорогой;
И часто в бурю я слышал
Тот звук, который так люблю;
И я всегда надеждой звал
Певицу мирную мою!

Видение

Я видел юношу: он был верхом
На серой борзой лошади – и мчался
Вдоль берега крутого Клязьмы. Вечер
Погас уж на багряном небосклоне,
И месяц в облаках блистал и в волнах;
Но юный всадник не боялся, видно,
Ни ночи, ни росы холодной; жарко
Пылали смуглые его ланиты,
И черный взор искал чего-то все
В туманном отдаленье – темно, смутно
Являлося минувшее ему —
Призрак остерегающий, который
Пугает сердце страшным предсказаньем.

Но верил он – одной своей любви.
Он мчится. Звучный топот по полям
Разносит ветер; вот идет прохожий;
Он путника остановил, и этот
Ему дорогу молча указал
И скрылся, удаляясь в дубраве.
И всадник примечает огонек,
Трепещущий на берегу противном,
И различил окно и дом, но мост
Изломан... и несется быстро Клязьма.
Как воротиться, не прижав к устам
Пленительную руку, не слыхав
Волшебный голос тот, хотя б укор
Произнесли ее уста? о! нет!
Он вздрогнул, натянул бразды, толкнул
Коня – и шумные плеснули воды,
И с пеною раздвинулись они;
Плывет могучий конь – и ближе – ближе...
И вот уж он на берегу другом
И на гору летит. И на крыльцо
Соскакивает юноша – и входит
В старинные покои... нет ее!
Он проникает в длинный коридор,
Трепещет... нет нигде... Ее сестра
Идет к нему навстречу. О! когда б
Я мог изобразить его страданье!

Как мрамор бледный и безгласный, он
Стоял... Века ужасных мук равны
Такой минуте. Долго он стоял,
Вдруг стон тяжелый вырвался из груди,
Как будто сердца лучшая струна
Оборвалась... Он вышел мрачно, твердо,
Прыгнул в седло и поскакал стремглав,
Как будто бы гналося вслед за ним
Раскаянье... И долго он скакал,
До самого рассвета, без дороги,
Без всяких опасений – наконец
Он был терпеть не в силах... и заплакал:
Есть вредная роса, которой капли
На листьях оставляют пятна – так
Отчаянья свинцовая слеза,
Из сердца вырвавшись насильно, может
Скатиться, – но очей не освежит!
К чему мне приписать виденье это?
Ужели сон так близок может быть
К существенности хладной? Нет!
Не может сон оставить след в душе,
И как ни силится воображенье,
Его орудья пытки ничего
Против того, что есть и что имеет
Влияние на сердце и судьбу.

«Мой сон переменялся невзначай...»

Мой сон переменялся невзначай:
Я видел комнату; в окно светил
Весенний, теплый день; и у окна
Сидела дева, нежная лицом,
С очами, полными душой и жизнью;
И рядом с ней сидел в молчанье мне
Знакомый юноша; и оба, оба
Старались довольными казаться,
Однако же на их устах улыбка,
Едва родившись, томно умирала;
И юноша спокойней, мнилось, был,
Затем что лучше он умел таить
И побеждать страданье. Взоры девы
Блуждали по листам открытой книги,
Но буквы все сливались под ними...
И сердце сильно билось — без причины, —
И юноша смотрел не на нее,
Хотя об ней лишь мыслил он в разлуке,
Хотя лишь ею дорожил он больше
Своей непобедимой гордой чести;
На голубое небо он смотрел,
Следил серебристых облаков отрывки
И, с сжатою душой, не смел вздохнуть,

Не смел пошевелиться, чтобы этим
Не прекратить молчанья; так боялся
Он услышать ответ холодный или
Не получить ответа на моления.
Безумный! ты не знал, что был любим,
И ты о том проведал лишь тогда,
Как потерял ее любовь навеки;
И удалось привлечь другому лестью
Все, все желанья девы легковерной!

Чаша жизни

1

Мы пьем из чаши бытия
С закрытыми очами,
Златые омочив края
Своими же слезами;

2

Когда же перед смертью с глаз
Завязка упадает,
И все, что обольщало нас,
С завязкой исчезает;

3

Тогда мы видим, что пуста
Была золотая чаша,
Что в ней напиток был – мечта,
И что она – не наша!

К Л. —

(Подражание Байрону)

1

У ног других не забывал
Я взор твоих очей;
Любя других, я лишь страдал
Любовью прежних дней;
Так память, демон-властелин,
Все будит старину,
И я твержу один, один:
Люблю, люблю одну!

2

Принадлежишь другому ты,
Забыв певец тобой;
С тех пор влекут меня мечты
Прочь от земли родной;
Корабль умчит меня от ней
В безвестную страну,
И повторит волна морей:
Люблю, люблю одну!

3

И не узнает шумный свет,
Кто нежно так любим,
Как я страдал и сколько лет
Я памятью томим;
И где бы я ни стал искать
Былую тишину,
Все сердце будет мне шептать:
Люблю, люблю одну!

К Н. И.....

Я не достоин, может быть,

Твоей любви: не мне судить;
Но ты обманом наградила
Мои надежды и мечты,
И я всегда скажу, что ты
Несправедливо поступила.
Ты не коварна, как змея,
Лишь часто новым впечатленьям
Душа вверяется твоя.
Она увлечена мгновеньем;
Ей милы многие, вполне
Еще никто; но это мне
Служить не может утешеньем.
В те дни, когда, любим тобой,
Я мог доволен быть судьбой,
Прощальный поцелуй однажды
Я сорвал с нежных уст твоих;
Но в зной, среди степей сухих,
Не утоляет капля жажды.
Дай бог, чтоб ты нашла опять,
Что не боялась потерять;
Но... женщина забыть не может
Того, кто так любил, как я;
И в час блаженнейший тебя
Воспоминание встревожит!
Тебя раскаянье кольнет,
Когда с насмешкой проклянет

Ничтожный мир мое название!
И побоишься защитить,
Чтобы в преступном состраданье
Вновь обвиняемой не быть!

Воля

Моя мать – злая кручина,
Отцом же была мне – судьбина;
Мои братья, хоть люди,
Не хотят к моей груди
Прижаться;
Им стыдно со мною,
С бедным сиротою,
Обняться!

Но мне богом дана
Молодая жена,
Воля-волюшка,
Вольность милая,
Несравненная;
С ней нашлись другие у меня
Мать, отец и семья;
А моя мать – степь широкая,
А мой отец – небо далекое;
Они меня воспитали,

Кормили, поили, ласкали;
Мои братья в лесах —
Березы да сосны.
Несусь ли я на коне —
Степь отвечает мне;
Брожу ли поздней порой —
Небо светит мне луной;
Мои братья, в летний день,
Призывая под тень,
Машут издали руками,
Кивают мне головами;
И вольность мне гнездо свила,
Как мир – необъятное!

Сентября 28

Опять, опять я видел взор твой милый,
Я говорил с тобой.
И мне бывшее, взятое могилой,
Напомнил голос твой.
К чему? – другой лобзает эти очи
И руку жмет твою.
Другому голос твой во мраке ночи
Твердит: люблю! люблю!

Откройся мне: ужели непритворны

Лобзания твои?

Они правам супружества покорны,

Но не правам любви;

Он для тебя не создан; ты родилась

Для пламенных страстей.

Отдав ему себя, ты не спросилась

У совести своей.

Он чувствовал ли трепет потаенный

В присутствии твоём;

Умел ли презирать он мир презренный,

Чтоб мыслить об одном;

Встречал ли он с молчаньем и слезами

Привет холодный твой,

И лучшими ль он жертвовал годами

Мгновениям с тобой?

Нет! я уверен, твоего блаженства

Не может сделать тот,

Кто красоты наружной совершенства

Одни в тебе найдет.

Так! ты его не любишь... тайной властью

Прикована ты вновь

К душе печальной, незнакомой счастьем,

Но нежной, как любовь.

«Зови надежду сновиденьем...»

Зови надежду сновиденьем,
Неправду – истиной зови,
Не верь хвалам и увереньям,
Но верь, о, верь моей любви!

Такой любви нельзя не верить,
Мой взор не скроет ничего;
С тобою грех мне лицемерить,
Ты слишком ангел для того.

«Прекрасны вы, поля земли родной...»

Прекрасны вы, поля земли родной,
Еще прекрасней ваши непогоды;
Зима сходна в ней с первою зимой,
Как с первыми людьми ее народы!..
Туман здесь одевает неба своды!
И степь раскинулась лиловой пеленой,
И так она свежа, и так родня с душой,
Как будто создана лишь для свободы...

Но эта степь любви моей чужда;
Но этот снег летучий, серебристый

И для страны порочной слишком чистый
Не веселит мне сердца никогда.
Его одеждой хладной, неизменной
Сокрыта от очей могильная гряда
И позабытый прах, но мне, но мне
бесценный.

«Метель шумит, и снег валит...»

Метель шумит, и снег валит,
Но сквозь шум ветра дальний звон,
Порой прорвавшись, гудит;
То отголосок похорон.

То звук могилы над землей,
Умершим весть, живым укор,
Цветок поблекший гробовой,
Который не пленяет взор.

Пугает сердце этот звук,
И возвещает он для нас
Конец земных недолгих мук,
Но чаще новых первый час...

Песня

Ликуйте, друзья, ставьте чаши вверх дном,
Пейте!

На пиру этой жизни, как здесь на моем,
Не робейте.

Как чаши, не бойтесь все ставить вверх дном.
Что стоит уж вверх дном, то не может мешать
Плúтам!

Я советую детям своим повторять
(Даже с прутом):

Что стоит уж вверх дном, то не может мешать.
Я люблю очень дно доставать на пирах
В чаше!

И даже в других больше нежных местах
У П. . . . е.

На дне лишь есть жемчуг в морских глубинах!

Небо и звезды

Чисто вечернее небо,
Ясны далекие звезды,
Ясны, как счастье ребенка;
О! для чего мне нельзя и подумать:
Звезды, вы ясны, как счастье мое!

Чем ты несчастлив? —
Скажут мне люди.
Тем я несчастлив,
Добрые люди, что звезды и небо —
Звезды и небо! – а я человек!..

Люди друг к другу
Зависть питают:
Я же, напротив,
Только завидую звездам прекрасным,
Только их место занять бы желал.

Счастливый миг

Не робей, краса молодая,
Хоть со мной наедине;
Стыд ненужный отгоняя,
Подойди – дай руку мне.
Не тепла твоя светлица,
Не мягка постель твоя,
Но к устам твоим, девица,
Я прильну – согреюсь я.

От нескромного невежды
Занавесь окно платком;

Ну – скидай свои одежды,
Не упрямысья, мы вдвоем;
На пирах за полной чашей,
Я клянусь, не расскажу
О взаимной страсти нашей;
Так скорее ж... я дрожу.

О! как полны, как прекрасны
Груди жаркие твои,
Как румяны, сладострастны
Пред мгновением любви;
Вот и маленькая ножка,
Вот и круглый гибкий стан,
Под сорочкой лишь немножко
Прячешь ты свой талисман;

Перед тем, чтобы лишиться
Непорочности своей,
Так невинна ты, что мнится,
Я, любя тебя, – злодей.
Взор, склоненный на колена,
Будто молит пощадить;
Но ужасным, друг мой Лена,
Миг один не может быть.

Полон сладким ожиданьем,

Я лишь взор питаю свой;
Ты сама, горя желаньем,
Призовешь меня рукой;
И тогда душа забудет
Все, что в муку ей дано,
И от счастья нас разбудит
Истощение одно.

«Когда б в покорности незнания...»

1

Когда б в покорности незнания
Нас жить создатель осудил,
Неисполнимые желанья
Он в нашу душу б не вложил,
Он не позволил бы стремиться
К тому, что не должно свершиться,
Он не позволил бы искать
В себе и в мире совершенства,
Когда б нам полного блаженства
Не должно вечно было знать.

Но чувство есть у нас святое,
Надежда, бог грядущих дней, —
Она в душе, где все земное,
Живет наперекор страстей;
Она залог, что есть поныне
На небе иль в другой пустыне
Такое место, где любовь
Предстанет нам, как ангел нежный,
И где тоски ее мятежной
Душа узнать не может вновь.

К кн. Л. Г-ой

Когда ты холодно внимаешь
Рассказам горести чужой
И недоверчиво качаешь
Своей головкой молодой,
Когда блестящие наряды
Безумно радуют тебя
Иль от ребяческой досады
Душа волнуется твоя,
Когда я вижу, вижу ясно,
Что для тебя в семнадцать лет

Все привлекательно, прекрасно,
Все — даже люди, жизнь и свет, —
Тогда, измучен воспоминаньем,
Я говорю душе своей:
Счастлив, кто мог земным желаньям
Отдать себя во цвете дней!
Но не завидуй: ты не будешь
Довольна этим, как она;
Своих надежд ты не забудешь,
Но для других не рождена;
Так! мысль великая хранилась
В тебе доныне, как зерно;
С тобою в мир она родилась:
Погибнуть ей не суждено!

«Кто видел Кремль в час утра золотой...»

Кто видел Кремль в час утра золотой,
Когда лежит над городом туман,
Когда меж храмов с гордой простотой,
Как царь, белеет башня-великан?

«Я видел тень блаженства; но вполне...»

Я видел тень блаженства; но вполне,

Свободно от людей и от земли,
Не суждено им насладиться мне.
Быть может, манит только издали
Оно надежду; получив, – как знать? —
Быть может, я б его стал презирать
И увидал бы, что ни слез, ни мук
Не стоит счастье, ложное как звук.

Кто скажет мне, что звук ее речей
Не отголосок рая? что душа
Не смотрит из живых очей,
Когда на них смотрю я, чуть дыша?
Что для мученья моего она,
Как ангел казни, богом создана?
Нет! чистый ангел не виновен в том,
Что есть пятно тоски в уме моем;

И с каждым годом шире то пятно;
И скоро все поглотит, и тогда
Узнаю я спокойствие, оно,
Наверно, много причинит вреда
Моим мечтам и пламень чувств убьет,
Зато без бурь напрасных приведет
К уничтожению; но до этих дней
Я волен – даже – если раб страстей!

Печалью вдохновенный, я пою
О ней одной – и все, что чуждо ей,
То чуждо мне; я родину люблю
И больше многих: среди ее полей
Есть место, где я горесть начал знать,
Есть место, где я буду отдыхать,
Когда мой прах, смешавшись с землей,
Навеки прежний вид оставит свой.

О мой отец! где ты? где мне найти
Твой гордый дух, бродящий в небесах?
В твой мир ведут столь разные пути,
Что избирать мешает тайный страх.
Есть рай небесный! – звезды говорят;
Но где же? вот вопрос – и в нем-то яд;
Он сделал то, что в женском сердце я
Хотел сыскать отраду бытия.

К***

О, не скрывай! ты плакала об нем —
И я его люблю; он заслужил
Твою слезу, и если б был врагом
Моим, то я б с тех пор его любил.

И я бы мог быть счастлив; но зачем

Искать условий счастья в былом! —
Нет! я доволен должен быть и тем,
Что зрел, как ты жалела о другом!

К***

Ты слишком для невинности мила,
И слишком ты любезна, чтоб любить!
Полмиру дать ты счастье б могла,
Но счастливой самой тебе не быть;
Блаженство нам не посылает рок
Вдвойне. — Видала ль быстрый ты поток?
Брега его цветут, тогда как дно
Всегда глубоко, хладно и темно!

«Кто в утро зимнее, когда валит пушистый снег...»

Кто в утро зимнее, когда валит
Пушистый снег и красная заря
На степь седую с трепетом глядит,
Внимал колоколам монастыря;
В борьбе с порывным ветром этот звон
Далеко им по небу унесен, —
И путникам он нравился не раз,
Как весть кончины иль бессмертья глас.

И этот звон люблю я! Он цветок
Могильного кургана, мавзолеей,
Который не изменится; ни рок,
Ни мелкие несчастья людей
Его не заглушат; всегда один,
Высокой башни мрачный властелин,
Он возвещает миру все, но сам —
Сам чужд всему, земле и небесам.

Ангел

По небу полуночи ангел летел,
И тихую песню он пел,
И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.

Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов,
О Боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была.

Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез;
И звук его песни в душе молодой
Остался — без слов, но живой.

И долго на свете томилаcь она,
Желанием чудным полна,
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.

Стансы к Д***

1

Я не могу ни произнести,
Ни написать твое название:
Для сердца тайное страдание
В его знакомых звуках есть;
Суди ж, как тяжело это слово
Мне услышать в устах другого.

2

Какое право им дано
Шутить святынею моею?
Когда коснуться я не смею,
Ужели им позволено?
Как я, ужель они искали
Свой рай в тебе одной? – едва ли!

3

Ни перед кем я не склонял
Еще послушного колена;
То гордости была б измена:
А ей лишь робкий изменял;
И не поникну я главою,
Хотя б то было пред судьбою!

4

Но если ты перед людьми
Прикажешь мне унижить душу,
Я клятвы юности нарушу,
Все клятвы, кроме клятв любви;
Пусть им скажут, дорогая,
Что это сделал для тебя я!

5

Улыбку я твою видал,
Она мне сердце восхищала,
И ей, так думал я сначала,
Подобной нет – но я не знал,

Что очи, полные слезами,
Равны красою с небесами.

6

Я видел их! и был вполне
Счастлив – пока слеза катилась;
В ней искра божества хранилась,
Она принадлежала мне;
Так! все прекрасное, святое,
В тебе – мне больше чем родное.

7

Когда б миры у наших ног
Благословляли нашу волю,
Я эту царственную долю
Назвать бы счастьем не мог,
Ему страшны молвы сужденья,
Оно цветок уединенья.

8

Ты помнишь вечер и луну,
Когда в беседке одинокой

Сидел я с думою глубокой,
Взирая на тебя одну...
Как мне мила тех дней беспечность!
За вечер тот я б не взял вечность.

9

Так за ничтожный талисман,
От гроба Магомета взятый,
Факиру дайте жемчуг, злато
И все богатства чуждых стран,
Закону строгому послушный,
Он их отвергнет равнодушно!

«Ужасная судьба отца и сына...»

Ужасная судьба отца и сына
Жить розно и в разлуке умереть,
И жребий чуждого изгнанника иметь
На родине с названьем гражданина!
Но ты свершил свой подвиг, мой отец,
Постигнут ты желанною кончиной;
Дай бог, чтобы, как твой, спокоен был конец
Того, кто был всех мук твоих причиной!
Но ты простишь мне! Я ль виновен в том,
Что люди угасить в душе моей хотели

Огонь божественный, от самой колыбели
Горевший в ней, оправданный творцом?
Однако ж тщетны были их желанья:
Мы не нашли вражды один в другом,
Хоть оба стали жертвою страданья!
Не мне судить, виновен ты иль нет;
Ты светом осужден. Но что такое свет?
Толпа людей, то злых, то благосклонных,
Собрание похвал незаслуженных
И стольких же насмешливых клевет.
Далеко от него, дух ада или рая,
Ты о земле забыл, как был забыт землей;
Ты счастливей меня, перед тобой
Как море жизни – вечность роковая
Неизмеримою открылась глубиной.
Ужели вовсе ты не сожалеешь ныне
О днях, потерянных в тревоге и слезах?
О сумрачных, но вместе милых днях,
Когда в душе искал ты, как в пустыне,
Остатки прежних чувств и прежние мечты?
Ужель теперь совсем меня не любишь ты?
О, если так, то небо не сравняю
Я с этою землей, где жизнь влачу мою;
Пускай на ней блаженства я не знаю,
По крайней мере, я люблю!

«Пусть я кого-нибудь люблю...»

Пусть я кого-нибудь люблю:
Любовь не красит жизнь мою.
Она как чумное пятно
На сердце, жжет, хотя темно;
Враждебной силою гоним,
Я тем живу, что смерть другим:
Живу – как неба властелин —
В прекрасном мире – но один.

К другу

Забудь опять
Свои надежды;
Об них вздыхать
Судьба невежды;
Она дитя:
Не верь на слово;
Она шутя
Полюбит снова;
Все, что блеснит,
Ее пленяет;
Все, что грустит,
Ее пугает;

Так облачко
По небу мчится
Светло, легко;
Оно глядится
В волнах морских
Поочередно;
Но чужд для них
Прошлец свободный;
Он образ свой
Во всех встречает,
Хоть их порой
Не замечает.

«Пора уснуть последним сном...»

Пора уснуть последним сном,
Довольно в мире пожил я;
Обманут жизнью был во всем,
И ненавижда и любя.

Из Паткуля

Напрасна врагов ядовитая злоба,
Рассудят нас бог и преданья людей;
Хоть розны судьбою, мы боремся оба
За счастье и славу отчизны своей.

Пускай я погибну... близ сумрака гроба,
Не ведая страха, не зная цепей.
Мой дух возлетает все выше и выше
И вьется, как дым над железною крышей!

«Я не для ангелов и рая...»

Я не для ангелов и рая
Всесильным богом сотворен;
Но для чего живу, страдая,
Про это больше знает он,

Как демон мой, я зла избранник,
Как демон, с гордою душой,
Я меж людей беспечный странник,
Для мира и небес чужой;

Прочти, мою с его судьбою
Воспоминанием сравни
И верь безжалостной душою,
Что мы на свете с ним одни.

Портрет

Взгляни на этот лик; искусством он

Небрежно на холсте изображен,
Как отголосок мысли неземной,
Не вовсе мертвый, не совсем живой;
Холодный взор не видит, но глядит
И всякого, не нравясь, удивит;
В устах нет слов, но быть они должны:
Для слов уста такие рождены;
Смотри: лицо как будто отошло
От полотна, – и бледное чело
Лишь потому не страшно для очей,
Что нам известно: не гроза страстей
Ему дала болезненный тот цвет,
И что в груди сей чувств и сердца нет.
О боже, сколько я видал людей,
Ничтожных – пред картиною моей,
Душа которых менее жила,
Чем обещает вид сего чела.

«Настанет день – и миром осужденный...»

Настанет день – и миром осужденный,
Чужой в родном краю,
На месте казни – гордый, хоть презренный —
Я кончу жизнь мою;
Виновный пред людьми, не пред тобою,

Я твердо жду тот час;
Что смерть? — лишь ты не изменись душою —
Смерть не разрознит нас.
Иная есть страна, где предрассудки
Любви не охладят,
Где не отнимет счастья из шутки,
Как здесь, у брата брат.
Когда же весть кровавая примчится
О гибели моей
И как победе станут веселиться
Толпы других людей;
Тогда... молю! — единою слезою
Почти холодный прах
Того, кто часто с скрытною тоскою
Искал в твоих очах...
Блаженства юных лет и сожаленья;
Кто пред тобой открыл
Таинственную душу и мученья,
Которых жертвой был.
Но если, если над моим позором
Смеяться станешь ты
И возмутишь неправедным укором
И речью клеветы
Обиженную тень, — не жди пощады;
Как червь к душе твоей
Я прилеплюсь, и каждый миг отрады

Несносен будет ей,
И будешь помнить прежнюю беспечность,
Не зная воскресить,
И будет жизнь тебе долга, как вечность,
А все не будешь жить.

К Д

Будь со мною, как прежде бывала;
О, скажи мне хоть слово одно;
Чтоб душа в этом слове сыскала,
Что хотелось ей слышать давно;

Если искра надежды хранится
В моем сердце – она оживет;
Если может слеза появиться
В очах – то она упадет.

Есть слова – объяснить не могу я,
Отчего у них власть надо мной;
Их услышав, опять оживу я,
Но от них не воскреснет другой;

О, поверь мне, холодное слово
Уста оскверняет твои,
Как листки у цветка молодого

Ядовитое жало змеи!

Песня

Желтый лист о стебель бьется
Перед бурей:
Сердце бедное трепещет
Пред несчастьем.

Что за важность, если ветер
Мой листок одинокой
Унесет далеко, далеко,
Пожалеет ли об нем
Ветка сирая;

Зачем грустить молодцу,
Если рок судил ему
Угаснуть в краю чужом?
Пожалеет ли об нем
Красна девица?

К Нэере

Скажи, для чего перед нами
Ты в кудри вплетаешь цветы?
Себя ли украсишь ты розой

Прелестной, минутной, как ты?
Зачем приводить нам на память,
Что могут ланиты твои
Увянуть, что взор твой забудет
Восторги надежд и любви?
Дивлюсь я тебе: равнодушно,
Беспечно ты смотришь вперед;
Смеешься над временем, будто
Нэеру оно обойдет.
Ужель ты безумным весельем
Прогнать только хочешь порой
Грядущего тени? ужели
Чужда ты веселью душой?
Пять лет протекут: ни лобзаньем,
Ни сладкой улыбкою глаз
К себе на душистое ложе
Опять не заманишь ты нас.
О, лучше умри поскорее,
Чтоб юный красавец сказал:
«Кто был этой девы милее?
Кто раньше ее умирал?»

Отрывок

Три ночи я провел без сна – в тоске,
В молитве, на коленях – степь и небо

Мне были храмом, алтарем курган;
И если б кости, скрытые под ним,
Пробуждены могли быть человеком,
То обожженные моей слезой,
Проникнувшей сквозь землю, мертвецы
Вскочили б, загремев одеждой бранной!
О боже! как? – одна, одна слеза
Была плодом ужасных трех ночей?
Нет, эта адская слеза, конечно,
Последняя, не то три ночи б я
Ее не дожидался. Кровь собратий,
Кровь стариков, растоптанных детей
Отяготела на душе моей,
И приступила к сердцу, и насильно
Заставила его расторгнуть узы
Свои, и в мщенье обратила все,
Что в нем похоже было на любовь;
Свой замысел пускай я не свершу,
Но он велик – и этого довольно;
Мой час настал – час славы иль стыда;
Бессмертен, иль забыт я навсегда.
Я вопрошал природу, и она
Меня в свои объятия приняла,
В лесу холодном в грозный час метели
Я сладость пил с ее волшебных уст,
Но для моих желаний мир был пуст,

Они себе предмета в нем не зрели;
На звезды устремлял я часто взор
И на луну, небес ночных убор,
Но чувствовал, что не для них родился;
Я небо не любил, хотя дивился
Пространству без начала и конца,
Завидуя судьбе его творца;
Но, потеряв отчизну и свободу,
Я вдруг нашел себя, в себе одном
Нашел спасенье целому народу;
И утонул деятельным умом
В единой мысли, может быть напрасной
И бесполезной для страны родной;
Но, как надежда, чистой и прекрасной,
Как вольность, сильной и святой.

Баллада

В избушке позднею порою
Славянка юная сидит.
Вдали багровой полосой
На небе зарево горит...
И, люльку детскую качая,
Поет славянка молодая...

«Не плачь, не плачь! иль сердцем чуешь,

Дитя, ты близкую беду!..
О, полно, рано ты тоскуешь:
Я от тебя не отойду.
Скорее мужа я утрачу.
Дитя, не плачь! и я заплачу!

Отец твой стал за честь и бога
В ряду бойцов против татар,
Кровавый след ему дорога,
Его булат блестит, как жар.
Взгляни, там зарево краснеет:
То битва семя смерти сеет.

Как рада я, что ты не в силах
Понять опасности своей,
Не плачут дети на могилах;
Им чужд и стыд и страх цепей;
Их жребий зависти достоин...»
Вдруг шум — и в двери входит воин.

Брада в крови, избиты латы.
«Свершилось! — восклицает он, —
Свершилось! торжествуй, проклятый!..
Наш милый край порабощен,
Татар мечи не удержали —
Орда взяла, и наши пали».

И он упал – и умирает
Кровавой смертью бойца.
Жена ребенка поднимает
Над бледной головой отца:
«Смотри, как умирают люди,
И мстить учись у женской груди!..»

Силуэт

Есть у меня твой силуэт,
Мне мил его печальный цвет;
Висит он на груди моей,
И мрачен он, как сердце в ней.

В глазах нет жизни и огня,
Зато он вечно близ меня;
Он тень твоя, но я люблю,
Как тень блаженства, тень твою.

«Как дух отчаянья и зла...»

Как дух отчаянья и зла,
Мою ты душу обняла;
О! для чего тебе нельзя
Ее совсем взять у меня?

Моя душа твой вечный храм;
Как божество, твой образ там;
Не от небес, лишь от него
Я жду спасенья своего.

«Я не люблю тебя; страстей...»

Я не люблю тебя; страстей
И мук умчался прежний сон;
Но образ твой в душе моей
Всё жив, хотя бессилён он;
Другим предавшись мечтам,
Я все забыть его не мог;
Так храм оставленный – все храм,
Кумир поверженный – все бог!

Стансы

Мгновенно пробежав умом
Всю цепь того, что прежде было, —
Я не жалею о былом:
Оно меня не усладило.

Как настоящее, оно
Страстями бурными облито

И вьюгой зла занесено,
Как снегом крест в степи забытый.

Ответа на любовь мою
Напрасно жаждал я душою,
И если о любви пою —
Она была моей мечтою.

Как метеор в вечерней мгле,
Она очам моим блеснула
И, бывши все мне на земле,
Как все земное, обманула.

«Люблю я цепи синих гор...»

Люблю я цепи синих гор.
Когда, как южный метеор,
Ярка без света и красна
Всплывает из-за них луна,
Царица лучших дум певца
И лучший перл того венца,
Которым свод небес порой
Гордится будто царь земной.
На западе вечерний луч
Еще горит на ребрах туч
И уступить все медлит он
Луне – угрюмый небосклон;
Но скоро гаснет луч зари...
Высоко месяц. Две иль три
Младые тучки окружают
Его сейчас... вот весь наряд,
Которым белое чело
Ему убрать позволено.
Кто не знавал таких ночей
В ущельях гор иль средь степей?

Однажды при такой луне
Я мчался на лихом коне
В пространстве голубых долин,
Как ветер, волен и один;
Туманный месяц и меня,
И гриву, и хребет коня
Сребристым блеском осыпал;
Я чувствовал, как конь дышал,
Как он, ударивши ногой,
Отбрасываем был землей;
И я в чудесном забытии
Движенья сковывал свои,
И с ним себя желал я слить,
Чтоб этим бег наш ускорить;
И долго так мой конь летел...
И вокруг себя я поглядел:
Все та же степь, все та ж луна:
Свой взор ко мне склонив, она,
Казалось, упрекала в том,
Что человек с своим конем
Хотел владычество степей
В ту ночь оспаривать у ней!

Солнце

Как солнце зимнее прекрасно,

Когда, бродя меж серых туч,
На белые снега напрасно
Оно кидает слабый луч!..

Так точно, дева молодая,
Твой образ предо мной блесит;
Но взор твой, счастье обещая,
Мою ли душу оживит?

«Я счастлив! – тайный яд течет в моей...»

Я счастлив! – тайный яд течет в моей
крови,
Жестокая болезнь мне смертью угрожает!..
Дай бог, чтоб так случилось!.. Ни любви,
Ни мук умерший уж не знает;
Шести досток жилец уединенный,
Не зная ничего, оставленный, забвенный,
Ни славы зов, ни голос твой
Не возмутит надежный мой покой!..

Прощанье

Не уезжай, лезгинец молодой;
Зачем спешить на родину свою?

Твой конь устал, в горах туман сырой;
А здесь тебе и кровля и покой —
И я тебя люблю!..

Ужели унесла заря одна
Воспоминанье райских двух ночей;
Нет у меня подарков: я бедна,
Но мне душа создателем дана

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.